Серебряные струны

Verlag "STELLA"
2021

Серебряные струны. Современная грузинская поэзия в русских переводах. Сборник.

Составитель: Моисей Борода

Выпущена при содействии Международной Гильдии Писателей – International Guild of Writers – Internationale Schriftstellergilde

http://ingild.com

Германия: STELLA – 2021. – с. 174

© Verlag STELLA

Все права защищены

Оформление обложки: В. Цветков

Verlag STELLA
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
Tel. +49 (0)174 38 403 06
Email: tst1968@gmx.de

ISBN

Verlag STELLA
Deutschland

СЕРЕБРЯНЫЕ СТРУНЫ

СОВРЕМЕННАЯ ГРУЗИНСКАЯ ПОЭЗИЯ
В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Памяти Владимира Саришвили

Содержание

Предисловие 12

Маквала Гонашвили

Долг 17
Три сестры 19
Твой роман со стихами 20
Помни вечно 21
Зов 23
Слеза солнца 24
Монолог богоматери 25
Агнец жертвенный 26
Кукольное государство 28
В заколдованном круге 30
Каменные врата 32
Кровавое воскресенье 34
Отчужденье 35
Преображение 36

Багатер Арабули

Жизнь 38
Цирковые лошади 39
Заброшенное поле 40
Ночная соната 41
Картли 42
Век двадцать первый! 43
Быть преданным народу! 44
Ты куда торопишься, река 46

Вахтанг Глонти

Родина 48
Молитва 49
Жить бы в старину мне 50
За сумерками – тьма 51
Печальная песня 52
Да не простится 53

Манана Дангадзе

Душа вспорхнула 55
Приговор 57
И сколько можно раз гореть в огне 58

Бадри Кутателадзе

Божества души летят 60
Весна 61
Проспект 62
Я замер... 63
Спит город усталый 64
Зеркало 65

Эрекле Саглиани

Зёрнышко грузинской пшеницы 67
Надпись на книге Константинэ Гамсахурдиа 68

Нино Сихарулидзе

Банальное стихотворение 70
Несказанное стихотворение..... 71
Монолог женщины-поэта 72
Поэту 74
Ангелу-хранителю 75

Лия Стуруа

Лето 77
Реквием 78
Горестные уроки 79
Я перерезала вены..... 80
Флоренция 82
Ожидание..... 84
Телевизор – мой наркотик 85
Как сладок лени мед в конце войны! ... 86

Ия Сулаберидзе

Я и ты 88
Лев 89
Неужто я твоя 90
Глаза – то пламенем, то льдинками 91
Миг застолья 92

Давид Тедорадзе

Мокрые ежи 94
Вспышки молний озаряют цепи гор ... 95
Рим наскучил – город вечный 96
Лишь зари блеснёт полоска 97
Тоску-кручину продаю... 98
Слово перед битвой 99

Эдуард Угулава

Как легко увлажняются веки слезой . 101
Тётя (сестра отца) 102
Стою на остановке 103

Паола Урушадзе

2000 106
В этой драме – "Город под горою" ... 107
Картинки детства 109
В укор крутому веку 113
Клен 114
Яблоня 115

Бесик Харанаули

Я закрою глаза 117
Есть минуты, когда среди ночи 118
Поэт 119
Любовь 120
Хлопнули дверью, ушли 121
Из мечты 122
Бессонница в деревне 123
Бабочки 124

Тариэл Хархелаури

Тень вечера нависнет надо мной 127
Ветер пробует силу, летя на коне 128

Марина Цхведиашвили

У чертогов небесных 130
Маковая свеча 131
Исповедь пастуха ветров..... 132
Реквием 134
Мольба в пасхальную ночь 136

Темур Чалабашвили

Век не найду ответа я 138
Мтацминда погружается в туман 139
Исповедь 140
Только выбрался – вновь окован я.... 141
Дождик задремал 142
Я стал с тобой единым целым 143
Из цикла *Ледяной город* 144
Жизнь и смерть 146
Ручеёк 147
Заплачьте, дожди... 148

Вано Чхиквадзе

Сирень 150
Ох, декабрь, ох, мороз 151
Мы на заре явились в этот мир 152

Давит Шемокмедели

Дождь в городе.....154
Жили и жили вдали друг от друга 156
Первая двойка 157
Война.....158
Просьба 159
Мигрантка.....161
Монолог Вийона 162
Двойник (alter ego).....163
От «а» до «я» – в азбуке 165

Биографические данные авторов: 167

ЗВУЧАНИЕ СЕРЕБРЯНЫХ СТРУН

СОВРЕМЕННАЯ ГРУЗИНСКАЯ ПОЭЗИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

В ландшафте духовной культуры Грузии – культуры, сохранившей творческую силу на протяжении тысячелетий – особо возвышаются две области, в которых наиболее ярко проявился дух и потенциал народа, его отношение к жизни, его философское восприятие мира: грузинская народная песня и поэзия. Обе уходят корнями в древность; обе дали уникальные по своему художественному совершенству образцы.

Судьба первой из них счастлива, ибо музыка эта нашла непосредственный путь к сердцу и уму тысяч людей самой разной культуры – недаром грузинское многоголосие признано памятником нематериальной культуры всемирного значения. Судьба же второй – быть узнанной, принятой и признанной не в первозданности её звучания, образов, ассоциаций, но лишь как отражение через мир других образов, других ассоциаций и звучаний.

Русский язык, в силу исключительной развитости версификации, синонимического богатства оказался для перевода грузинской поэзии благодатной почвой.

Предлагаемая читателю подборка включает русские переводы стихотворений грузинских поэтов, которых можно было бы условно назвать семидесятниками. Эти поэты, как и прозаики того же поколения, познали в семидесятые-восьмидесятые годы широкое читательское признание как в Грузии, так и за её пределами.

События последних десятилетий – от распада СССР и до сегодняшнего дня – болезненно затронули Грузию. Вызванное экономическим и социальным кризисом противостояние в обществе, отторжение исконных грузинских территорий, август 2008-го с тянущимся до сих пор следом...

⇨

Казалось, что в этом мире поэзия не может выжить. Тем не менее она выжила. И, как это не раз бывало в трагической истории Грузии, ожила во всех своих красках.

Представленную здесь подборку стихотворений отличает широкий спектр тем.

Здесь и лирически проникновенные и одновременно глубоко драматические, с явным трагическим оттенком стихотворения **Маквалы Гонашвили** (вообще исключительно разностороннего по тематике поэта)**:** посвящённые теме женщины „Долг“, „Три сестры“, „Зов“, „Слеза солнца“ „Монолог богоматери“, „Отчужденье"; посвящённые судьбе Грузии: пронизанное горькой иронией „Кукольное государство“, „Каменные врата“, „Кровавое воскресенье", „В заколдованном круге“ и философские - „Преображение", „Агнец жертвенный“ .

Здесь и трагическое стихотворение **Багатера Арабули** „Жизнь“, и его же „Ты куда торопишься, река“; лирико-философские - „Цирковые лошади“, „Заброшенное поле“, „Ночная соната", гражданственные „Век двадцать первый!“ и „ Быть преданным народу!“ – и нежно-лирическое "Картли"

Здесь и протест – „Надпись на книге Константинэ Гамсахурдиа 'Похищение луны'“ **Эрекле Саглиани** и его же посвящённое Родине лирическое „Зёрнышко грузинской пшеницы“.

Особый, драматически-трагический мир образов представлен стихотворениями **Лии Стуруа** – „Реквием“, „Я перерезала вены“, „Горестные уроки“, „Ожидание“, „Флоренция“, и „Как сладок мёд в конце войны“ – и **Мананы Дангадзе** („Душа вспорхнула“, „Приговор“).

Теме матери, теме отчего дома посвящены стихотворения **Давида Шемокмедели** „Просьба“, „Война“, „Первая двойка“. Воспоминания о прошлом, о доме оживают и в его стихотворении „Мигрантка“, и в „Жили и жили вдали друг от друга“,

в драматическом "Монолог Вийона", и в цикле „Дождь в городе“.

Тема любви раскрывается разными гранями в стихотворениях **Бесика Харанаули** („Я закрою глаза и усну сладким сном“, „Любовь“, „Я был у тебя этой ночью“, „Бабочки“), **Бадри Кутателадзе** („Спит город усталый“), **Давида Тедорадзе** – („Мокрые ежи“ и „Лишь зари блеснёт полоска“), **Мананы Дангадзе** („И сколько можно раз гореть в огне“).

Этой же теме посвящена „Исповедь“ **Темура Чалабашвили**, „Как легко увлажняются веки слезой“ **Эдуарда Угулава**, „Я и ты“ , „Лев“ , „Неужто я твоя?“ **Ии Сулаберидзе**.

Лирика с философским оттенком представлена стихотворениями **Бесика Харанаули** („Есть минуты…“, „Хлопнули дверью. Ушли“, „Из мечты“, „Бессонница в деревне“), **Вахтанга Глонти (**„Молитва“ „Печальная песня“, „За сумерками тьма“ и „ Жить бы в старину мне“).

В другом аспекте раскрывается она в стихотворениях **Бадри Кутателадзе** „Я замер“ и „Зеркало“, **Тариэла Хархелаури –** „Тень вечера нависнет надо мной“ , **Вано Чхиквадзе** – „Мы на заре явились в этот мир“ , и **Темура Чалабашвили –** „Мтацминда погружается в туман“, и его же „Ручеёк“, „Заплачьте, дожди...“ „Я твой навек“ из цикла „Ледяной город“.

Теме истерзанного разрухой конца девяностых, ставшего призраком Тбилиси посвящено стихотворение **Паолы Урушадзе** „В этой драме – 'Город под горою'“; настрой этого стихотворения оттеняется её стихотворениями-воспоминаниями– „Картинки детства“, „Клён“ , „Яблоня“, „В укор крутому веку“.

В сборнике представлена и впечатляющая масштабом драма – „Реквием“ **Марины Цхведиашвили**, её же „Исповедь пастуха

ветров“, „У чертогов небесных с мольбою стою“, „Маковая свеча“.

Своеобразным тематическим контрастом звучат здесь „Банальное стихотворение“ **Нино Сихарулидзе** и её же „Несказанное стихотворение“, заканчивающееся образом капитана, уходящего вместе с тонущим кораблём .

Говоря о представленных здесь стихотворениях, невозможно не отметить того, с каким мастерством и любовью они переведены на русский язык. Вчитываясь в строки этих переводов, ещё раз понимаешь, насколько перевод – сотворчество.

Представленные читателю стихотворения – лишь крайне небольшая часть сокровищницы современной грузинской поэзии. Но как по капле взятой из океана воды можно представить его себе и, может быть, полюбить, так и, хотелось бы надеяться, эта подборка влюбит читателей в мир говорящей поэтическим языком Грузии.

Сборник посвящен безвременно ушедшему замечательному поэту, переводчику, филологу, большому другу грузинской литературы, Владимиру Саришвили, переводы которого составляют значительную часть настоящего сборника.

Моисей Борода

Член Союза Писателей Грузии и
Международной Гильдии Писателей

Маквала Гонашвили

ДОЛГ

В стране моей, где бережная память
Сильна и укрощает пыл любой,
Где все проверено и сложено веками,
Быть женщиной – не значит быть собой.
Но, боже мой, еще трудней при этом,
(Как Грузия верна себе во всем!)
Родившись женщиною, стать поэтом.
И быть поэтом каждым божьим днем.
Сквозь сплетни, и ухмылки, и наветы
Увидеть как рассвет из берегов
Выходит, заливая море светом,
И по шипам пройти, не чувствуя шипов!
Одной рукой касаясь колыбели,
Другой – метафор штопать полотно,
Быть верною женой на самом деле
И понимать, что, в общем, все равно
Не удержать себя в границах этих,
Все рвется прочь в погоне за судьбой,
Как бабочка с огнем, играть со смертью
И выиграть неравный этот бой.
Но, не в пример другим, пустым кокетством
Не отогреть мне больше никого,
Когда из темноты повеет детством,
Всей беззащитной мудростью его.
И значит просто нужно стать богиней,
В ярме между мужчиной и землей,
А, если мужество и здесь меня покинет,
Остаться только лишь самой собой.

Не из любви к отеческим заветам,
А просто мне слышнее голос муз;
Родиться женщиной и быть поэтом,
Для Грузии – непостижимый груз!

ТРИ СЕСТРЫ

Меня бросить нельзя, можно лишь потерять
Я успею, успею, успею,
Как волчица, засаду почуяв, порвать
Первой. Только с петлею на шее.
За минуту до края, до входа в метро,
До другой, что уже на пороге,
Стиснув зубы ответить: «Не трогай, не тро…,»
Я тебя позабуду, как многих.
Да она же не любит, совсем, никого!
Из породы бездушнейших самок. –
Улыбаясь, киваю в ответ головой. –
Ну, конечно. Попробуйте сами.
Сердце в клочья и сгусток помады у губ,
И, качаясь, как будто в похмелье,
Неужели и это стерпеть я смогу,
Боже мой, ну ответь, – НЕУЖЕЛИ!
Но ни крика, ни стона, шепчу лишь: «Держись!»
Так, что пальцы немеют порою,
И рождественской елью тянусь только ввысь,
За какой-то, там первой звездою.
Канул праздник и вечного счастья игра,
Всех отпетых гостей карнавала.
Будто ель дождалась своего топора
И упала, и пальцы разжала.
Но зеленые иглы пробьются опять,
Улыбнусь, как бывало и прежде.
Одиночество, гордость – ведь нас называть
Стали сестрами, с новой – Надеждой!

***

Твой роман со стихами
Выходит за край
Дома, улицы, города
Зала
Восхищенные взгляды
Все просят – Читай!
Ты читала, читала,
Читала…

Все любили, и ты
Отвечала им всем.
Только он в стороне
Оставался
Этот праздник толпы,
Этот зов, этот плен
Шел по кругу и вновь
Повторялся.

Но когда вдруг заплакали
Колокола,
И закрылись последние
Двери,
Собрались рядом те,
Для кого умерла.
Только он не пришел.
Не поверил.

ПОМНИ ВЕЧНО

Застывшей маскою лица
Мои непролитые слезы,
Тебя, нездешнего гонца,
Встречают горечью угрозы.
Что хочешь ты во мне задеть
И к одиночеству ревнуешь?
Все, что болело – то болеть
Не перестало. Ты рискуешь
Посеять прежнюю печаль,
Сорвал цветы самума ветер,
И счастье, лишь коснувшись, вдаль
Ушло, как парус на рассвете.
Как почва нищая, душа
Иссохла и дождя не кличет.
Подружки в гости не спешат,
Уныл мой кров и безразличен.
И солнца золотой оклад
Уж не встречаю я молитвой…
Чему, скажи, теперь ты рад,
Зачем вскрываешь боль, как бритвой?
Я не откликнусь, все прошло,
В воспоминаньях мало толку,
Зачем ты делаешь назло?
Я не нужна тебе нисколько.
Гордец, ревнивец, о тебе
Не перестану помнить вечно,
Зачем заставил мой обет
Нарушить и шагнуть навстречу?

Но рану старую зажав,
Несу в душе незримый камень.
Росой лиловою дрожат
Фиалок слезы под ногами…

ЗОВ

Мать моя, Ева, где ты? Мама, мама! Ма!!!
Мне б госпожою света стать, до того, как тьма
Разум накроет, а душу примет Господь.
Пока еще силы – втрое и безумствует плоть.
Пока еще тело, как солнце и роза в груди,
И у ног моих бьется, лотос, и жизнь впереди.
Ведь я женщина, Боже, что могу я сама?
Жар познанья до дрожи меня сводит с ума.
И горчит наслаждений отравленный мед.
Упаду на колени, змей мой стан обовьет.
Сколько раз прививали мне тело к душе,
Будто крылья ломали на крутом вираже.
Как орел над Танталом, бес кружил надо мной,
Я не муки желала – только страсти земной.
Как по горло входила я в прохладу озер,
Лишь любовь я любила – не напьюсь до сих пор!
Не стыдишься ли, Боже, своего ремесла?
Срок земной осторожен, но сжигает дотла,
Неразумных и нищих, безутешных детей,
Что как воли и пищи, жаждут веры твоей,
У последней черты, что пройти не успели,
Травяные мосты да смертельные мели.
Ева, как мы похожи, через тысячи лет,
Этим жаром подкожным и предчувствием бед.
Ты начало начал всех земных воплощений, –
С каждой, мир проживал, первый грех и паденье.
Мать моя, мой ребенок, с тобой я сильней!...
Но болит мое тело от висков до ступней.

СЛЕЗА СОЛНЦА

Лали Тотадзе

Ты – слеза солнце, ты – стихотворенье,
Не луч – слово, рожденное взглядом.
Соткала рубашку сновидения,
Не позволив милому лечь рядом.
Заслонив белоснежную постель,
Отвернулась от тепла и света,
Но нетронутых гроздьев жадный хмель,
Все тоскует по ладоням лета.
Как далеко ушел твой садовник,
Не испив тоски этих ждущих глаз,
Проклянешь ли цепких рук терновник
Или же простишь последний раз?
Срезанных прядей лег скорбный венок,
Напрасно ветер тебя тревожил…
Ведь он уже рядом ,высокий бог…
Как мерцают фиалки у ложа.

МОНОЛОГ БОГОМАТЕРИ

Зачем меня, смеющуюся, кисть
Запечатлела в звонком майском полдне,
Вам невдомёк, что мы едва спаслись
От воинов, по милости Господней...

Вам невдомёк, как исстрадалась я,
И, ужасом объятая, воочью
Узрела призрак Ирода-царя
В своём окне беззвёздной зимней ночью...

Был сон – блаженством, сын – в грядущем был,
Но я уже оплакивала чадо,
Ему Голгофу Бог-отец сулил,
И – веру, во спасенье душ от ада.

И всё сбылось, и крестный путь свершён,
Мне было б легче смерть принять с Тобою,
Народу – Божий сын, Спаситель – Он,
А матери – дитя её родное...

Я бремя всех грехов людских взяла
На рамена. Я с Ним распята вместе.
Мёрз ландыш в небесах и ждал тепла,
Слеза была ему благою вестью.

Луч освещает тропку. Тонок он,
И крест, и жертва – Божий сын распятый...
От плача моего деревьев стон, -
Не от ветров, не от грозы раскатов.

И если время близится бедой,
Да будет вам в час горький, человеки,
Заступниками – Сын, страдалец мой,
И Бог-Отец, и Дух Святой – вовеки...

АГНЕЦ ЖЕРТВЕННЫЙ

Приходит время близких помянуть
Весенним днём, когда цветут луга...
Печалью Бог нас щедро одарил,
А память – так изменчива, хрупка...

И бред ночной, и тайнознанья глубь
Душа скрывает, мучаясь в грехах.
Дочь Господа, Луна, к утру умрёт,
А ввечеру воскреснет в небесах.

Полна слезами, облаком плыву,
Сама не знаю – где дождём прольюсь,
Ищу я в книгах древние слова,
Как на святыни, я на них молюсь...

Должны сполна земных мы благ вкусить,
Век ни при чём – мы сами слабаки;
Должны успеть поесть, попить, покрыть!
А святости вериги нелегки...

Мы растоптали избранных, предав,
И нечисти позволили наглеть,
Что толку в пуле, если здесь и там
Единый ад придётся лицезреть?

Сколь много жажду выразить в строке,
Но только стон из сжатых рвётся уст...
Творец един – хоть мы его зовём
По-разному – в плену греховных чувств.

Господь нам, гордым, языки смешал,
И как теперь к Всевышнему взывать?
Священный Агнец жертвенный, спаси,
Лишь на тебя осталось уповать!

Привыкши к всепрощенью Твоему,
Тебе готовим крест и гвозди вновь,
Но душу мы страшимся потерять,
Зовя Надежду, Веру и Любовь.

И всё ж с упорством, слепы и глухи,
Идём кривой дорогою, грешим,
И в лабиринтах ада к Сатане
На оргии торопимся-спешим.

И образ, и подобие презрев
Господне – как теперь к Нему взывать?
Священный Агнец жертвенный, спаси,
Лишь на Тебя осталось уповать!

КУКОЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Где таится кукловод,
Тот, что водит хоровод?
Дуболобых человечков
То пригнёт, то вознесёт...

Размыкает губы им.
«Надо ж! – сами говорим», -
Думают они с апломбом,
И течёт по щёчкам грим.

Слепы, глухи, немы вы,
В доску – с ног до головы,
Эх, убогие созданья
И несчастные, увы!

С вами, тысяча чертей,
Мёрзну я, как воробей,
Что на юг не улетает,
Где теплее и сытней.

Хоть из дерева, а злость
Бьёт народу в плоть и в кость,
Как же вам заразу эту
Понасеять удалось?

Вы на пляжах в неглиже,
Ваши дети в Париже',
Из какой вы древесины -
И не помните уже.

Вы забыли о корнях,
О родных своих краях,
Даже если крикнешь: „Мама!“ -
Разнесёте в пух и прах.

Горбуны и шатуны,
Вы тавром заклеймены,
На чужбине вам, грузинам,
Тридцать евро вручены.

Мне ж мила земля моя,
Неужели буду я
Тосковать по государству
Клоунады и вранья?!

В ЗАКОЛДОВАННОМ КРУГЕ

Люди размежевались по сотам
И уставились тупо в экраны,
Затянуло их разум в болото,
Полусонно оно и туманно.

Чуть проснёмся – ломимся в палаты,
Там вельможи подбросят костей нам,
Были мы всемогущи когда-то,
Ныне рады и доле постельной.

И под дудку мы пляшем чужую,
В упоении, как скоморохи,
И на барских пирах мы блядуем,
Подбирая упавшие крохи.

Снова пир. Изнемогши от танцев,
К чёрту прямо в объятья лечу я -
То кормлю я хозяев – паяцев,
То заблудшего сына ищу я.

Я и дочь, я и мать. В мире бренном
Я зову вас – и боль в этом крике.
Я – страница из книги Вселенной,
Только вырванная из книги.

Ни отчизны, ни рая другого
Не желаю, хоть в стенах – прореха.
С настоящим я прошлое снова
Склеить пробую, да без успеха.

Не оставь меня, Господи-Боже,
Отврати от меня – сделай милость
Этих высокомерных ничтожеств,
Что купили себе именитость.

Башня замкнута. Тьма – в целом свете,
Я на грани безумья, в испуге.
О, доколе терпеть пытки эти
И ходить в заколдованном круге?

КАМЕННЫЕ ВРАТА

Погасло солнце.
К каменным вратам
Прильнула тень,
В лучах закатных млея.
Тебе, Господь,
Несу я в сердце дар,
Как рукописные
Четьи-минеи.

И мнится -
Здесь стояла я
Допрежь,
И голос был –
Как предостереженье.
Чей – неизвестно.
Спутались слова,
Забыта боль,
Осталось утешенье.

"Господь мой милосердный,
Отопри
Врата безмолвья!" -
Криком изошла я,
Истёрла ногти в кровь,
Но недвижим
И хладен камень,
Жалости не зная.

Быть может, зов мой тих,
А может быть -
Там, за вратами – пустота глухая...
Или Господь ответа не даёт,
Творение своё не узнавая...

Стою...
Былого совершенства след
Исчез под водопадами столетий...
След, что Твоя
Оставила рука
Давно уж стёрт,
А Солнце снова светит...

И я желаю
К Солнцу вознестись,
Чтобы увидеть
В Царствии Небесном
Господень лик.
Что толку тосковать,
За жизнь цепляясь
В этом мире тесном...

Хочу забыть
Всю суетность его,
И всю тщету его,
И хлопотливость...
Хочу войти,
Но заперты врата,
О Боже, отвори мне,
Сделай милость!

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Невидимый, бьёт колокол над нами,
И воздух мерным боем леденит.
Архангел с перебитыми крылами,
Взлететь не в силах, с храма вниз глядит.
Плачь, колокол, твой голос похоронный
Да не умолкнет после похорон!
На город песен грянули вороны
(На чёрных крыльях нету ли погон?!)
Мать-Грузия, лицо седою прядью
Скорей закрой, не то ослепнешь ты,
Твою живую землю пядь за пядью
Покрыли ядовитые цветы.
Вай, сердце, вай, вай, родина, не стану
Одежды рвать и призывать точить
На месть кинжал, но эту злую рану
Какое время сможет залечить?!
Едва мечты серебряные трубы
Запели, соплеменники мои,
Исподтишка отравленные зубы
Вонзил нам прямо в душу год Змеи!
Подкованный сапог ребро ломает
И бьёт тупым носком в кричащий рот...
И если Бог растерян и не знает,
С кого взыскать –
пусть спросит мой народ!

(перевод Евгения Сливкина)

ОТЧУЖДЕНЬЕ

Ты пригвоздил меня к земле, и мне осталось
Лишь примириться со своей судьбой.
Врата небес закрылись… Но казалось,
Но почему мне всё-таки казалось,
Что я могу быть счастлива с тобой?!
Ты мне не веришь? Не смотри сердито,
Смешно ревнуя – из-за пустяков!
Пойми, что я во власти звучных слов,
Что я – дочь неба! Вместо звёзд покрыто
Моё лицо веснушками стихов;
Под утро я отдам реке безмолвной
Отчаянность моих тревог ночных,
И унесут медлительные волны
И боль мою, и неземные сны.
Не называй изменой отчужденье,
Мне жжёт глаза, мне застилает свет
Горчайший дым метафор и сравнений,
Избитых рифм… Я слепну, я в смятеньи –
Потерян в небе мой недавний след!
Оставь меня! Я буду вновь одна,
Одна, как мысль, одна, как тишина,-
Иного счастья, право, мне не надо.
А роль рабыни чересчур трудна,
Хоть есть и в ней какая-то отрада…

(Перевод Галины Павловской)

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Как искали друг друга они, как друг к другу стремились
Человек и Всевышний, и каждый в другого глядел…
– А в ладонях моих два крыла, два отрезанных – бились,
И казалось, что веер в руках трепетал и белел.
Я не помню, не знаю – кто крылья ломал мне до хруста,
Кто захлопнул ворота, – и небо закрылось вдали,
Кто сначала мне дал откровенье – стоглазо, стоусто,
А потом оглушил на шершавых ладонях земли…
А земля, как уставшая мать, как голодный ребёнок,
Так просила о ласке, о слове, о деле меня:
То кричала во сне, то меня поносила спросонок,
То в раскаянье бурном дарила рубины огня.
То меня ревновала ко всем сквознякам, то в раденьи
Расстилала ковры самых нежных фиалок своих…
И тогда я узнала, что значит полёт и паденье,
Что такое соблазны, и лица какие у них.
Вот когда небеса отражались в канавах и лужах,
Содрогались, почуяв, что с женщиной схожа и я:
Так слабы мои руки, и хищный, беспомощный ужас
Дышит женскою страстью и заполоняет меня.
Неужели не ведомо мудрому, вещему небу,
Что и ангел пропащий с крылом перебитым – потом,
На земле прозревая, презрев всё, что здесь на потребу,
Превращается в слабую женщину с жалобным ртом.

(Перевод Олеси Николаевой)

Багатер Арабули

ЖИЗНЬ

Переменчивы краски в палитре:
Ночь и день рождены друг из друга,
Всё вращается в замкнутом вихре
По закону незримого круга.

В светлом чувстве живет заблужденье,
А любовь вырождается в путы,
В душу брошено семя сомненья,
Торжествуют Каиафа с Иудой.

И уже мы готовы любимых
Распинать и желать их мучений...
Мчится, мчится по далям незримым
В никуда карусель превращений.

Переменчивы краски в палитре:
Ночь и день рождены друг из друга,
Всё вращается в замкнутом вихре
По закону незримого круга

(Перевод Людмилы Орагвелидзе)

ЦИРКОВЫЕ ЛОШАДИ

Арены свет – как спящая река,
ждёт лошадей, что, словно сгусток боли,
сейчас вбегут на белый круг песка,
в глазах раскосых – дикая тоска,
а в ржанье – плач по полю и по воле.

Лучи дрожат, как травы на ветру...
(Как мало надо зрителям для счастья!)
А лошадям – чтоб уберечь свой круп –
всего и надо только – подчиняться

Но по ночам им видится во сне
табун, живущий участью свободной –
он мчится вдаль по полю при луне,
он их зовёт куда-то в тишине
и как водою обдаёт холодной...

Наутро снова будут их стегать
и упражняться быстрою ездою.
Клеймом на шкурах знаки выжигать,
лоб украшать серебряной звездою...

Но только душу – в стойло не загнать,
и вольный взгляд – не удержать уздою!

(Перевод Николая Переяслова)

ЗАБРОШЕННОЕ ПОЛЕ

Забыто поле. Каменеет грунт.
В пустых глазницах застывает иней.
Холодный ветер студит ночью грудь,
а в полдень солнце жжёт из выси синей.

И лишь во сне в нём шепчутся цветы,
и память видит образы сквозь дали –
как острый плуг легко взрезал пласты
и люди зёрна в борозды бросали.

Как в свете солнца нитями слюды
сверкали струи, что ростки питали...
Мир был тогда – счастливым, молодым,
и люди мыслью в будущем витали.

И вот – оно пришло... Одна трава
над ним шумит, шепча седые были.
Хоть ты, трава – скажи земле слова,
что, сея хлеб, ей люди говорили…

(Перевод Николая Переяслова)

НОЧНАЯ СОНАТА

Ночь откинула полог незримым движеньем,
Словно женщина с лика чадру. И тотчас
Выплыл месяц - неясной печалью свеченья
Откровение неба вскрывая для нас.

Распускается пряжа из звёзд, но не может
Приютить. Только отблеск бросает из тьмы.
Свет чужой и тяжелый пронзает нас дрожью,
И шипами ледовыми полнимся мы.

Знаю, небо: частицей в тебе растворённой
Быть и мне. Так исполни желанье одно -
И прими свет очей, на тебя обращенных,
До поры - как земной...

(Перевод Людмилы Орагвелидзе)

КАРТЛИ

Рассвело. Как будто стая голубей
К нам влетела с неба сквозь его оконце.
По хребтам картлийским нежностью своей
Полилось внезапно
Солнце,
Солнце,
Солнце...

Под его лучами вешние луга,
Знавшие недавно зимние погоды,
Маками зарделись. Песня их легка,
Цвет обычный, алый.
Мчатся,
Мчатся годы...

Звонко прозвучали струны из реки.
Росы, будто бусы, украшают горы.
Гром – весёлый, гулкий: что-то изрекли
Небеса родные.
Свет.
Стихи.
Просторы…

(Перевод Натана Баазова)

ВЕК ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ!

Век двадцать первый! К тебе я, двадцатый, взываю,
Пусть никогда не прервётся веков эстафета!
Флаги борьбы и мечты я над миром взвиваю, -
Многое смог и не смог я... В сияньи рассвета
К Солнцу, подобно Икару, стремился взлететь я...
Прочные крылья себе я для этого создал.
Знал я, что дети мои из другого столетья
Этот порыв не осудят – взнесённые к звёздам!

Я для тебя проложил в бесконечность дорогу,
Высветил – смутные, дальние, славные цели;
Внемли с прекрасных вершин моему монологу, -
Люди тебя не напрасно сегодня воспели!
Полон я зависти – зависти светлой и гордой:
Сколько скрывают отрады – грядущие взлёты!
Люди планеты – единой и мощной когортой -
Свалят преграды, осилят любые высоты…

(Перевод Натана Баазова)

БЫТЬ ПРЕДАННЫМ НАРОДУ!

Ты пас овец, ковал металл, – эпоху песня славила,
Ты строил дом, молол зерно, бетон возил к плотине...
Ты – гражданин!
А день пройдёт – ты должен взять за правило,
Спросить себя: «Чем для страны я был полезен ныне?»

Она цветёт, но есть ли в том твоя заслуга малая?
И в наши дни нигде, ни в чём нет места укоризне;
Уходит вдаль стезя побед, дорога небывалая...
И в наши дни любой из нас готов служить Отчизне!

Наш общий труд – певца, жнеца, и пастуха, и зодчего,
И смельчака, что на заре взлетает к небосводу, -
Достойный вклад в дела страны, в успехи края отчего,
И всё кругом на все века принадлежит народу!

Великий дар – отстроить вновь, покрыть живыми красками
Остатки стен, следы веков, и боль, и стон столетий...
Возрождены, заселены, воспеты и обласканы:
Гареджи – вот, Череми – вот, Тушети, Хевсурети!..

Великий дар – взлелеять вновь извечной веры саженец, -
Для дней иных взрастить орех и грозди винограда;
Наш отчий край – цветущий сад,
единство, дружба, слаженность,
И доброта, и красота, и вечная отрада!

Великий дар – в огне знамён всегда струиться искрами,
Всегда искать, стремиться ввысь, бороться за свободу,
С народом быть, в народе жить, пылая сердцем искренним,
И навсегда, и до конца быть преданным народу!

(Перевод Натана Баазова)

* * *

Ты куда торопишься, река,
Гриву пены радостно раскинув?
Красота дана не на века –
Спустишься в унылую долину;
Пропадёшь в болотах и прудах,
Обрастёшь лягушками и тиной,
Или растворишься навсегда
В жадной пасти моря-исполина.
Потускнеет белых брызг пыльца,
Навсегда уйдут восторг и шалость,
Потому что счастье до конца
Никому ещё не удавалось.

(Перевод Людмилы Орагвелидзе)

Вахтанг Глонти

РОДИНА

Что родина? Один ломоть земли,
Ломоть, что держит плоть мою и ныне,
Налево – отблеск ледяной пустыни,
Направо – скалы в облачной дали,
Я – в середине.

Что родина? Земли один ломоть,
Та пядь, стою сейчас я на которой.
Мне твой не страшен меч, коварный ворог,
Твой гнев не страшен праведный, Господь!
Я как утёс. Меня не оборoть.

Что родина? Земли ломоть один.
Отца могила, камень в изголовье,
Молюсь я быть отца достойным крови,
Бездельем не срамить его седин
Клянётся сын.

Другого не дано. Земли ломоть...
В свой час умру, усну в твоей утробе,
Наследник защитит моё надгробье,
Другого не дано. Земли ломоть,
Отечество моё, душа и плоть…

МОЛИТВА

За страждущих, о Боже, заступись,
Утешь скорбящих в горе безответном,
Чтоб души обездоленных зажглись
Огнём небесным, ласковым, приветным.

Врата удачи отвори хоть раз
Отверженным, дорогу потерявшим,
И пусть услышит материнский глас
Очаг родной покинувший, пропавший...

Всем, чьи глаза слезами ты обжёг,
Верни улыбку, верю я, поможешь...
Верни надежду. милосердный Бог!
Не дай погибнуть, всемогущий Боже!

***

Жить бы в старину мне, свечку бы затеплил,
В небе звёзды тоже загорелись ярко,
По свету пошёл бы – в горы, в долы, в степи,
В поисках любимой – холодно ли, жарко -
Я бы шёл, доколе не закован в цепи...

Жить бы в старину мне – лик твой драгоценный
Под чадрою спрятал от нескромных взоров
И любви напиток, радужный и пенный,
Разделил с тобою. И навстречу зорям
На конях неслись бы, двое во Вселенной...

Жить бы в старину мне, в век Шота, Омара,
Царственных красавиц, витязей могучих,
Видеть, как в деревне юной пери чары
Жениха пленяют в час луны за тучей.
И не слышать споры о морали, свары...

Жить бы в старину мне, погасил бы свечку,
Отыскал бы счастье – где бы ни скрывалось.
И печатью грусти не был бы отмечен,
Ты, любовь, одна лишь ты в мечтах осталась,
Отыскал бы счастье, мне б оно досталось…

***

За сумерками – тьма. Потом – рассвет.
Короче день – длиннее ночь. И нет,
Нет никого, кто сбросит ношу лет,
Где спрятаться, где скрыться от беды?
Одни рыданья слышатся в ответ,
Живущий обращается в скелет,
И души покидают этот свет
В корабликах без вёсел, без воды...

Во сне ли, пробуждаясь ото сна,
Взойдёт ли солнце иль взойдёт луна,
Зачем любовь я нежу? Ведь она
Растает всё равно. Теряю разум.
Пью кровь лозы. Уже душа пьяна,
И слёзы яда в пурпуре вина,
И слёзы счастья. И фиал до дна,
Смеясь и плача. выпиваю разом.

В отчаяньи стою. А надо мной
Раскатами несётся ветер злой.
Начертанного некогда судьбой
Ты не изменишь ни мольбой, ни спором.
Стою, опустошённый тишиной,
Подходит смерть с отточенной косой,
Где спрятаться, в какую скрыться нору?

ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Оправданий не ищу теперь я -
Жив ли я, иль нет меня на свете...
Уходите все. Закройте двери.
Я виновен. Я за всё в ответе.
Осуждён, стою перед тобою,
Гаснет память, утопая в Лете.
Дорогие, дайте мне покоя,
Я виновен. я за всё в ответе.
В душу мне, как в лодку, побросайте
Все грехи за все тысячелетья,
Проклиная, яму засыпайте,
Я виновен. Я за всё в ответе.
Еретик, молю, не спорь со мною,
Не брюзжи, гонитель, благодетель...
Дайте, драгоценные, покоя,
Я виновен, я за всё в ответе.

***

Да не простится влюблённому ныне и присно,
Если обидчика избранной он убоится,
Смертью напуганный если простит оскорбленье -
Да не простится!

Сыну дурному прощенья нет ныне и присно,
В смертный час матери если не будет молиться
Рядом с одром, а пирушке отдаст предпочтенье -
Да не простится!
Да не простится!

Нету прощенья притворщику ныне и присно.
Кто за отечество слёз проливает водицу,
Кто за Отечество кровь пожалеет в сраженье,
Да не простится!
Да не простится!
Да не простится!

Манана Дангадзе

***

Душа вспорхнула,
Одинокая,
Душа –
Голгофа и Распятье,
Уходит в синь небес
Далёкую,
В страстей
Погасшие объятья.
Душа – мечтательница,
Жаждешь ты
Лобзаний, ласки у чертога,
И радости внезапной
Страждешь ты,
Шепча
Благодаренье Богу.
То в гневе ты,
То ложно понята,
Тоскуешь по былой химере,
Побита жизнью,
Скорбью проклята,
Верна любви, надежде, вере.
Под ношей тяжкой
Изнемогшая,
Ты в небеса взлететь готова,
Здесь от страдания
Продрогшую,
Тебя там радость встретит снова.

Душа вспорхнула,
Одинокая,
Душа –
Голгофа и Распятье,
Уходит в синь небес
Далёкую,
В страстей
Погасшие объятья.

ПРИГОВОР

Вот конец без конца.
Перемен не предвидится дале.
И на мне нет лица.
И стою обречённо, в печали.
Голы персика ветви;
Весна на пороге застыла.
Пережившей измену душе
Ничего уж не мило.
Сердце ранено ядом двуличья,
На части разбито.
Кубок выпит златой.
В тьме кромешной надежда укрыта.
Это Горовиц –
Вновь торжества преисподней соната.
Подбоченившись, пляшут,
В восторге визжат бесенята.
И о чём бы я,
К смертной черте приближаясь,
Мечтала?
Люцифера желанье исполнилось,
Я проиграла.
Валуном придавило мне сердце,
Дыханье прервалось.
В одиночестве, в страхе
Я в мире подлунном осталась.
Вот конец, не спастись.
Перемен не предвидится дале.
И на мне нет лица.
И стою обречённо, в печали.

* * *

И сколько можно раз гореть в огне,
И смерть встречать, бредя тропою крестной.
Маэстро! Выше палочку! Мощней,
Ещё мощней, fortissimo, оркестр!
Расколотой любви сыграйте гимн,
Измор рокочет дробью барабанной,
Ещё мощней, маэстро! Piano, сгинь!
Вперёд, к вершине, дальней и желанной!
Здесь – пауза. Безмолвствует оркестр,
Как бы любовь на звёзды натолкнулась,
Как бы кометой шар земной разверст,
Как бы заснула жизнь – и не проснулась.
И вот уже – молитвенный покой,
И «Reqviem»а дивное звучанье.
Вещает ангел о заре иной,
Но для меня осталось лишь молчанье.

Бадри Кутателадзе

***

Божества души летят
Далеко-далече,
Я молюсь земным страстям,
Средь людей замечен.
Знаю, душу беглую
Благодать излечит,
Что в ней было светлого,
Что дарует вечность -
Не найдёт за тучами
Храма – сердцу тяжко...
И душа измучена -
Во поле ромашка…

ВЕСНА

Фиалки, цикламены – волненье пестроты...
Сегодня мой Тбилиси весь погружён в цветы...
Зима заснула, с нею – ветра и холода,
Росой искрится вешней гористая гряда.
Любовь... Садов отрада... Сиянье ваших глаз...
От них никто на свете ещё меня не спас!..
Вдоль улиц, что очнулись в улыбке ото сна,
Легко летит скакунья – желанная весна!

ПРОСПЕКТ

Стихи, сложившиеся у памятника
Илье Чавчавадзе и Акакию Церетели
перед зданием тбилисской 1-й средней школы

Проспект, и птица склёвывает боль,
Не чувствуя среди ветвей отрады!..
Стреляли в мудрость мы... Не оттого ль
Нам нет смиренья, благости, пощады!..

И слово нарушали мы... Потом -
Косые взгляды мира подмечали!..
Проспект запомнит каждый третий дом,
Свист пуль и стон, и чёрный дым печали!..

Скорбит безмолвно нации отец...
Он словно щит сегодня этой школе.
Вражде не положили мы конец,
Не донесли до сердца нашей боли!..

Я ЗАМЕР...

Души моей мятежной боги
В другую даль меня влекли...
С молитвою земной, в тревоге,
Вблизи я замер – не вдали.
Душа – обуздана... Я замер -
И всюду вижу благодать.
А смог бы сдать я тот экзамен?
Весь пыл, которым обладать
Я мог бы, не найдёт престола, -
Уносит ветер... Нет, не смог.
Душа – в тисках, ей нет простора.
Душа бела, душа – цветок!

СПИТ ГОРОД УСТАЛЫЙ

Спит город усталый в покое и мире,
Я с тихою ночью остался вдвоём,
Я думаю снова о девочке Цире -
Ей вечно четырнадцать в прошлом моём!..

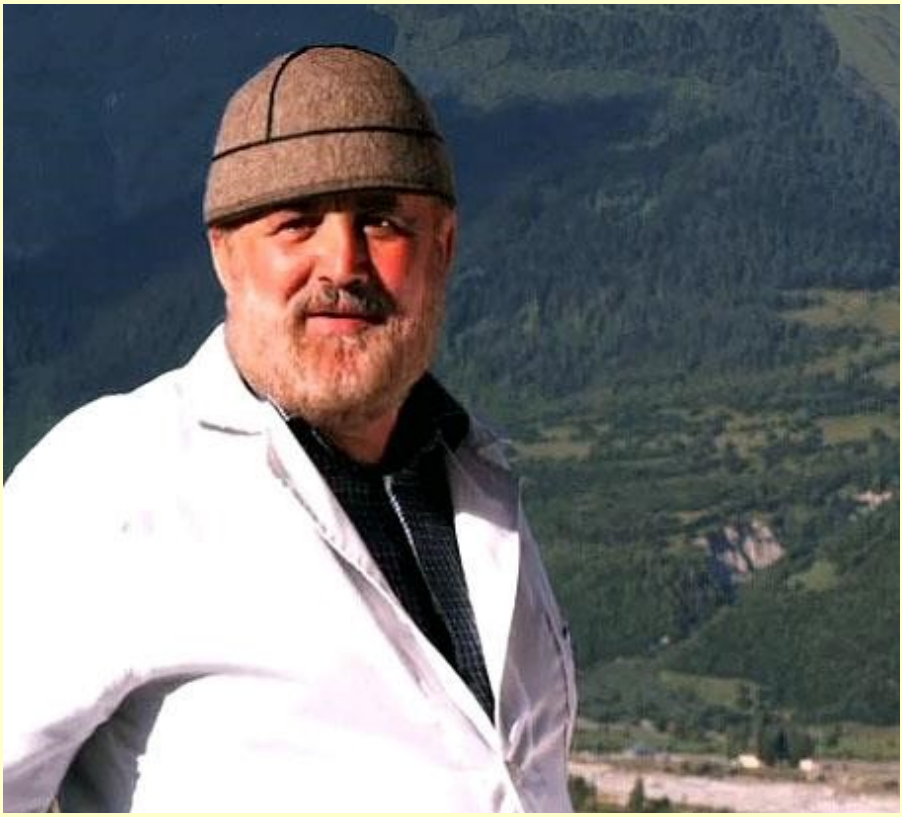
Шум... Тело – во власти ужасного мига,
Лишь тихая ночь не рыдает навзрыд...
И детства опять раскрывается книга,
В которой мой город в спокойствии спит...

Спит город ночной безмятежной порою,
И светлые мысли приходят в тиши...
Шалаш для сожженья – из веток я строю
Над пламенем вечно горящей души!..

Лишь думы вливаются в белую бездну;
Как в снежных горах, эту тишь не объять...
А с утренним солнцем раздумья исчезнут,
И – в шум городской окунусь я опять!

ЗЕРКАЛО

Когда он на меня напал весьма жестоко,
Сказал я так ему – живущему во мне:
«Земля из-под тебя уходит, вся в огне,
А ты стоишь! И, брат, тогда – по воле Рока -
Поэт ты! Но никто, ничто ты в час иной!»
И тут он на меня взглянул остолбенело,
Как в зеркало глядят: узрел и лик, и тело,
В свою же суть проник и замер предо мной...



Эрекле Саглиани

ЗЁРНЫШКО ГРУЗИНСКОЙ ПШЕНИЦЫ

Ни счетов ты не имеешь,
Ни долгов на стороне,
Целый мир вместить сумеешь
В этом крохотном зерне.

Хлебом стало ты насущным,
Плоть Спасителя – зерно...
Вездесуще, всемогуще,
Солнцем ты, росой полно!

Будишь землю, день ото дня,
Скольких жизнью одаришь!
Бусинка гумна Господня,
На ладони ты горишь!

НАДПИСЬ НА КНИГЕ
КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА
«ПОХИЩЕНИЕ ЛУНЫ»

Затрясло небеса, гой, Ламария!
И покой не обрёл в дымной мари я.
Строем волны – камнями надгробными,
Свет луны – стылым углям подобен был...
Вот идиллия жизни закончилась,
Дни минувшие мчатся, как гончие;
Вдоль Ингури преследуют, злобствуя,
И живу я так, единоборствуя.
Плоть в зерцале души отражается,
О, доколь же! Но бег продолжается...
Строем волны – камнями надгробными,
Свет луны – стылым углям подобен был...

Нино Сихарулидзе

БАНАЛЬНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Хочу, чтоб мать была жива, хочу родить на свет ребёнка,
Хочу, чтоб ветер не кусал, как в подворотне шалый пёс.
Чтоб луч во взоре трепетал, чтоб нёсся стих мой
звонко-звонко,
И сердце скрученной струной не лопнуло, не сорвалось...
Чтоб опереться на плечо могла – надёжного супруга,
Кому клубок печалей всех, обид – могла б доверить я,
Чтоб с полуслова на язык любви перевести друг друга
Могли б мы в сонмище невзгод, в водовороте бытия.
Хочу прямых путей в судьбе, не надо троп косых, кривых мне,
Чтоб во змеиное гнездо не обратился дом родной,
Пусть градом не побьёт цветы, пусть минет буря
и утихнет,
Хочу, чтоб мать была жива, хочу детей растить с тобой...
И да пребудет этот стих – о счастье сбывшейся мечтой!

НЕСКАЗАННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Что мне делать со стихом несказанным?
Вымолвленный – путь свой обретёт,
А созвучьями не препоясанный -
Душу мне саднит и сердце жжёт.
Даже захворала в ожидании,
Он летит к окошку и кружит,
Преуспел, однако, в приставании,
Сам же – недоступен, возлежит.
То по ветру гнётся белым парусом -
Вдоль по ветру, после гроз и бурь.
Род и племя не откроет – прячется,
Как из невидимки выбить дурь?
Прыг да скок – за изгородь сплетённую,
С вертопрахом этим – сладу нет.
Истину он знает обретённую -
Где начало и скончанье бед.
Может, обернуться мне подстрочником,
В тайны строк несозданных вплестись;
Сердцем продиктованным источником
Слов живых – явиться и спастись...
Нет, не уловить стиха дразнящего,
И песок кончается в часах...
Капитаном судна уходящего
Брошу взгляд последний в небеса.

МОНОЛОГ ЖЕНЩИНЫ-ПОЭТА

На одну лишь минуту, на одно мгновение
Забуду я ваши имена,
Как луна, хочу идти по следам дождя.
Дождь сводит меня с ума.
Лишь на одну минуту сердце запевшее
На самую высокую гору вознесу,
Вспыхну, как Гедия,*
Маковым огнём горела Марита**...
Как амулет, на шею подвешу все желания и все мечты,
И когда ночь обовьёт мои руки
И поцелует меня звёздами,
На вращающемся поле костёр разожгу,
Ну и что, что не распогодилось,
Зато ночь колдовская
И волшебно стонет гитара:
«Не горюй, мой сокол ясный,
Брось печаль через плетень.
Улыбнётся снова счастье
И наступит светлый день».
Слышишь, вихрь, ты что болтаешь,
Не узнал? Я ведь похожа на пёстроюбчатую цыганку.
Лишь на одну минуту разрушу дамбу,
Как река, побуйствует рука.
А потом так затаюсь,
Как воробышек, что ожидает крошек.

Лишь на одну минуту. Хорошо ведь знаете,
Как быстро пройдёт эта одна минута,
А потом я молча испеку блины
И подам вам ароматный кофе.

* ** Гедия и Марита – герои фильма Т. Абуладзе «Древо желания».

ПОЭТУ

Взлетает, как сокол, в тбилисское небо
Под мелким дождём, окропляющим утро.
А ветер умаялся, будто и не был,
Бессонницы не было тоже, как будто.
Как сокол, ещё один день улетает,
А с ним растворяется в небе надежда,
Он, как сумасшедший, покоя не знает
В мелькании дня, быстротечном, как прежде.
Вихрь слов разноцветных в сознании кружит
И каждое слово поэта пытает,
Сплетением образов мир перегружен,
Виденья с земли в небеса улетают.
А если луч солнца к нему запоздает,
Придумает девятиглазым светило.
Поэт на костре вдохновенья сгорает,
Поэзия душу его охватила.
Поэт вознесён поэтическим роком
В тбилисское небо с дождём моросящим,
С запястья раскрытого капают строки,
А ветер затих вместе с днём уходящим.

АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ

Заметь меня и под покров дай голову склонить,
Пока Харон не ждёт в ладье, чтоб в царство мёртвых плыть,
Пока ты можешь мне помочь, от многих бед храня,
Пока среди земных гостей есть место для меня,
Пока ещё хватает сил прясть жизненную нить,
Пока могу из озорства над смертью подшутить,
Пока бессмертная душа в мою одета плоть,
Пока хирургам не дано мешок сей распороть,
Пока ещё течёт песок в двухкамерных часах,
Пока к итоговой косьбе не точена коса –
Заметь меня, заступник мой, за плечи обними
И вьюк греха с моих ветвей решительно сними,
На мелкие клочки порви кошмарный, страшный сон,
Десятилетьями меня не оставляет он,
Иначе, в суете кружа, наткнусь на скалы я,
Как одинокая ладья без вёсел и руля,
Заметь заблудшую меня на жизненном пути
И помоги самой себя сегодня обрести.

Лия Стуруа

ЛЕТО

Вдохни этот лес!
Вбери его до конца
вместе с запахом меда,
мошкарой и небом в листве,
чтобы, вернувшись в город,
вывернуть себя
и отдать прохладу
взмокшим, запаренным людям,
сидящим у телевизоров,
которым не нужна поэзия,
но на деревья,
прорастающие из твоих легких,
они изумленно смотрят снизу вверх
и даже не пытаются
их срубить.
Неужели настолько опасна
зеленая краска в крови?

РЕКВИЕМ

В светлых комнатах
люди сидят за столом,
уничтожая пищу
вместе с тарелками,
и золоченые каемки
торчат у них изо рта,
я же брожу во тьме,
шаря руками, натыкаясь
на углы и грубые стены, -
не для того ли, чтоб стерлось
мое лицо?
Бог, призывая к себе,
вернул мне лицо,
перелепил меня заново
и показал старожилам рая:
- Вот яблоня ржавого цвета,
вот женщина, которую
съела тоска!
Толпа золотозубых
сидела на моей панихиде
и слушала Моцарта,
найденного наконец
в общей могиле…

* * *

Я перерезала вены.
Однако запястья
покрыл фибриновый мох.
Интересно, можно ли
постричь сосуды
и сварить зеленые щи
для моей отощавшей дочери?
Мама, ты лучше всех
знаешь законы
самопожертвования!
Когда отец сломал ногу,
я упала с его плеч -
с тех пор он сидит
в стакане с вином
и вспоминает обо мне,
как о цветке. Сейчас
я больше похожа на камень,
способный раздавить
воспоминанья, политые вином.
Мама больна истощением мозга,
и мое сочувствие
выражается лишь в лекарствах,
я, скорее, дочь
своей бабки,
глаз мой навечно
слит с красотой,
а за это опять убивают…

- Бабушка, дай мне
несколько капель Шопена
от пароксизма души,
чуть передохну,
поставлю на рояль
фарфоровую чашку -
мне и капли одной
хватит надолго.

ГОРЕСТНЫЕ УРОКИ

Помнишь,
как хоронили маму?
В пожарной машине,
за ней по пятам бежал огонь,
на котором прыгали кастрюли -
оркестр голодного города…
В пустом доме,
не умея выразить
горе словами,
ты превратила в эпитеты
закрестивших углы пауков.
Кто же теперь будет звонить то и дело,
чтоб вздрагивало благодарно
дочери сердце?
Деловыми стали звонки:
приглашают куда-то,
перепутав давнее
и завтрашнее, увы:
просят стихи
и некролог на самое себя…
Помнишь, стоило матери
увидеть тебя, как ее
изголодавшееся по разговору горло
становилось теплым,
будто шею окружили
янтарные бусы
юности.

ФЛОРЕНЦИЯ

Упадок цвета. Выгорает шафран.
Тусклый камень. И потому -
пульсирующий экран – сквозь воспаленные веки -
память крови и катастроф.
Мрамору предпочли фарфор.
Совершенные – до жалости – хрупкие мадонны -
дух бесплодия -
как трава, вырастающая без солнца.
Вереница видений – продолженье вчерашнего
фильма.
Пестрые леопарды переплелись в персидском ковре.
Белые крупы коней вспучили фреску,
и ясно, как им тесна золотистая шкура,
и самый
первый -
уже вне искусства и кадра.
Не было титров, и голоса было не надо -
только кровавая терракота
крупно и близко скользнула под вопль тормозов -
срезанная чертою карниза.
Как вы живете на магме?
Живут, ничего.
Пьют и едят, и позевывают, и перекидываются шутками.
И опять
сквозь воспаленные веки -
ассиметричная крабообразная тень
Буонарроти:

к ступням прибиты зрачки,
в лоб врезан фонарь для полночной работы.
Камень и глаз – вот и все.
Белый Давид. Белый Давид -
свинцовая примочка на воспаленную душу.
Громадный белый Давид -
после бескрылых мадонн,
после безвыходной мощи коней
и орнамента леопардов...
Тащится – ковыляет – стелется прочь
крабообразная тень.
Мягко ступая – зрачками.
Собственную волоча за собой -
шкуру.
След оставляя на палевых плитах.

(Перевод Владимира Леоновича)

ОЖИДАНИЕ

Всю зиму деревья меня ненавидят.
Напрасно я брежу зеленым теплом.
Одна я. И сахара сладкий апломб
Мне гадок, а соли святое наитье

Царапает горло, и слово гранитом
Надгробным молчит, и пронизан мой дом
Бессрочным туманом и ветреным льдом.
В нем белый шаг мамы над вазой разбитой.

В нем тени другие, забытые мной,
И черного города облик иной;
По узенькой улочке, солнцем облитой,
Идешь ты. И белый миндаль за спиной.

(Перевод Марии Фарги)

ТЕЛЕВИЗОР – МОЙ НАРКОТИК

Поверю, что дома тепло и уютно.
Сквозь синий экран в кокаиновом сне
Огромными хлопьями падает снег,
И я растворяюсь в сиянии смутном.

Тягучая ложь сериала заменит
Мне все, что так ранит в реальности дня.
Мерцанием льда – гениальность огня.
И легким пасьянсом – святое знаменье.

Сто серий о сером желании жить
Не хуже других. Ты старался напрасно,
Господь мой! Пустыням нужны миражи.
…Но ночью проснуться смертельно опасно!

(Перевод Марии Фарги)

* * *

Как сладок лени мед в конце войны!
Им приправляю бархатную кашу
Из молока и солнца в синей чаше
Прозрачных сумерек моей вины.

И правду, горькую, как черствый хлеб,
В ней размочив, старательно глотаю.
И, онемев, отчаянно латаю
Прорехами зияющий рассвет.

Но ваши похвалы – все та же брань!
Бог мой, какая золотая грань
Меня от прочих смертных отличает?

И вновь меня спасает терпкость чая,
Овечий сыр, просоленный насквозь,
И одиночество при свете красных роз.

(Перевод Марии Фарги)

Ия Сулаберидзе

Я И ТЫ

Я – тоненькая женщина-поэт,
Ты – великан, мою вобравший силу.
Не думай, что меня избрал ты, нет,
Сам избран мною, пересмешник милый.

Сквозь розовые не смотрю очки,
Я знаю, ты – уж точно не волшебник,
Приди – плечами – всю меня почти -
Накрой в своих объятиях блаженных.

Я – боль Вселенной и слеза цветка,
Я – рядом, здесь, и всё же далеко я,
О, будь мостом – сквозь эти облака
Между моей зимою и весною.

Я – тоненькая женщина-поэт,
Ты – всемогущ, но терпишь пораженье,
Не думай, что меня избрал ты, нет,
Сам избран мною для грехопаденья.

ЛЕВ

Ты – моё открытие, убежище,
Что тебе сказать – стою, не знаю я,
В мушкетёрском впору мне ходить плаще,
А не клушей быть, домохозяйкою.

Не люблю я беготни – нос по ветру,
Не люблю дуэлей я отложенных,
Рождена я в месяц Льва – и попросту
Быть такою свыше мне положено.

Смех и слёзы – кормчий в море мертвенном,
А удача – не кума, не крёстная,
И Господь ошибся бы, наверное,
Уродись я строгой и серьёзною.

Я нужна тебе, как хлеб – застолью,
Или мехи – придорожной кузнице,
Мушкетёрский плащ к лицу мне более,
Чем передник кухонной прислужницы.

НЕУЖТО Я ТВОЯ

Я просто с тобою, но я – не твоя.
Хоть львы не привыкли делиться,
Я – вольная птица, не пленница я,
И с этим ты должен смириться.

Чуть свет – и умчусь я, куда захочу,
Целуй же, но – прочь упованья.
За девять вершин ледяных улечу,
Ведь мне нипочём расстоянья.

Как часто себе удивляюсь сама
Свихнулась я, что ль – не иначе.
От нежности этой лишённый ума
Откажется – и не заплачет.

И ласки мне любы, и нежная речь,
Ты холишь меня и лелеешь,
Ты часто любовь мою можешь зажечь,
Но вечностью ты не владеешь.

И что для любви выси гор ледяных?
Крылами взмахнувши широко,
Домчусь до тебя из галактик иных
В одно лишь мгновение ока.

Что время? В безбрежности лет световых,
По первому зову желанья,
Домчусь до тебя из галактик иных,
Ведь мне нипочём расстоянья.

И что мне за дело – ты тонешь в делах,
Или от безделья томишься,
Когда я возжажду тебя, вертопрах,
Не скроешься, не утаишься…

***

Глаза – то пламенем, то льдинками
Скользят по платью откровенному,
Изрешечённой, как дробинками,
Стою – мишенью сокровенною.

Не повредят мне эти выстрелы,
Моей любви тебе, властителю,
Недостаёт, как правде – вымысла,
Как знаменателю – числителя.

МИГ ЗАСТОЛЬЯ

Какой завистник между нами
Здесь вазу водрузил с цветами?
А может, просто с пьяных глаз?
Мне ж так хотелось видеть вас…

Давид Тедорадзе

МОКРЫЕ ЕЖИ

Дождь заставил плакать пальмы на рассвете.
Накажи его Господь за шутки эти!
Я не ждал дождя, исполненного лжи;
Вперевалку, дружно шествуют ежи.
Это – мокрые жильцы промозглых нор
Шумно топают спросонья к склону гор.

Ну, а мне куда?
Кого мне навестить?
В чей же дом ступить
Счастливою ногой?
Сада этого покой
Кому вручить?
Не сложилось быть сегодня
Тамадой...
По обычаю,
По нраву своему,
Чтобы сердцу было сладко
И уму.
Пир погас, заглох, завял -
И не восстал
До того, как я сердца
Перелистал...

***

Вспышки молний озаряют цепи гор.
Время тьмы кромешной – час пошёл шестой.
Город в дрёме, спит в тумане брег морской.
Постучу, признаюсь: «Пьян я, перебор...».
Что за грех? Давай взгрустнём, оплачем вновь
Наше отрочество, давнюю любовь.

Не бывает без вина хороших дел,
Я создателя его благословлю.
Злым, задиристым застолье – не в удел,
В опьянении добреющих люблю.

Дождь заставил плакать пальмы на рассвете.
Накажи его Господь за шутки эти!
Я не ждал дождя, а он явился. Что ж,
Топочу к любимой, мокрый, словно ёж.
Постучу, признаюсь: «Пьян я, перебор!»,
Ты поплачь со мной, без сна побудем ночь...
Укоряй меня, в отраду мне укор,
Смуту сердца мы сумеем превозмочь...

***

Рим наскучил – город вечный,
Вена мне осточертела,
Грузия, с тобою встречи
Жажду. Здравствуй, Сакартвело!
Доброй мачехой бывая
Для заморских риа-риа,
Ты своим сынам – родная,
Грузия! Любви стихия!

***

Лишь зари блеснёт полоска -
Нечисть разбегается,
Из морской шипящей пены
Дева появляется.

По плечам власы раскинув,
Плавно восходящая,
Взор бросает на мужчину,
Навзничь возлежащего.

Что-то в сердце оборвалось,
Солнце опечалилось,
Седина, мой взор любовный
Приглушив, оскалилась.

Я, как молоко на плитке,
Бурновоскипающий,
Всё мечтаю -
Не смертельно
Век прожить мечтающим.

ТОСКУ-КРУЧИНУ ПРОДАЮ...

Век пёстрой бабочки длинней
Батумского сырого снега,
И всё же – мне всего милей
Лазурь и солнечная нега.

По нраву мне и ветра вой,
И снегопад, и град-громила,
И всё же боль моя – тобой
Разбужена, моё светило!

Восстань же, солнце!
Воспою
Твой свет,
Великий созидатель!
Тоску-кручину продаю
В саду.
Вот первый покупатель…

СЛОВО ПЕРЕД БИТВОЙ

История наша
Мечами начертана.
Грузин на колени
Вовек не падёт.
Кто жертвует жизнью
Во славу победную,
Всевышнего милость
И рай обретёт.

Эдуард Угулава

***

Как легко увлажняются веки слезой...
Зной меня одолел. – и терзает, и душит.
Беспощаден в любви, я ночною порой
Позабыл тебе крылья подрезать, уснувшей...

А наутро меня смертный ужас объял,
Задрожали колени, молчал я убито...
Осознанье пришло: я тебя потерял...
Я – один. И окно нашей спальни открыто...

ТЁТЯ (СЕСТРА ОТЦА)

Мама с папою умерли. Их не вернуть.
Тётя в холе дитя воспитала,
Ветерку на него не давала подуть,
И пылинки с сиротки сдувала.

Не любил он играть во дворе с детворой,
Но, бывало, встречаясь, те прямо
В лоб жестокий вопрос задавали порой:
«Тётю любишь ты больше, чем маму?

Поклянись – и поверим. Кого же, кого?!»
Он, смущаясь, краснел поначалу,
А потом, величаво качнув головой:
«Тётю! Мамой клянусь!» – отвечал он.

***

Стою на остановке.
На душе
Так тяжело.
И путаются мысли.
Лавина – позади,
На вираже.
А впереди -
Лохмотья туч нависли.

Средь стольких масок,
Стольких лживых слов,
Линялых красок -
Распознать готов
Ты в ком-нибудь
Сердечной простоты
Хотя бы
Чуть заметные черты?

Однажды жизнью
Был я приглашён.
Сказала жизнь:
«С душою чистой он
Живёт.
Дадим
Немного отдохнуть
Тому, кто честно
Свой свершает путь».

Но, посмотрев
На мой входной билет,
Швейцар захлопнул дверь:
«Приёма нет!».

Паола Урушадзе

2000

О, откуда, с каких Елисейских полей,
Из какой бесконечной, неведомой дали
Проскользнула к нам двойка и кольца нолей
За спиной закрутила, и встала: "Не ждали?"

Еще тысячу лет шевелить ей хвостом,
Развивать и свивать его, бить им и щелкать,
И века по бокам огревать, как хлыстом,
И огнями играть из-под каменной челки...

Но пока пустота там, где встанут века
в этих трех озерках, в трех зеркальных овальцах.
Розовее младенческих век и зевка,
Значит, жизнь все еще дорога и легка,
Еще можно шутить, горевать, целоваться...

* * *

В этой драме – "Город под горою",
Что открыла нынешний сезон,
Третий акт всего лишь сон героя,
Утренний, почти мгновенный сон...

И не бойтесь, если вам на сцене
Вместо крыш, балконов и дворов,
Явятся разрушенные стены
Драгоценных, вековых домов...

Словно бы
откуда-то
девятый
Налетел вдруг небывалый вал...
Это просто тешится Театр,
Он и не такое выдавал...

Если кто не верит – оборвите
На полслове:
Все сомненья прочь!
Погляди, как ловко оформитель
На подмостки опускает ночь....

Улица... Свеча в окне аптеки...
Тишина, как в книжках о войне...
Неужели это человеки
Роются в отбросах и рванье?
Все это неправда, небылица,
Сон чужой, предутренняя муть...

Нищие?!
О, как знакомы лица,
Не смотри в их сторону...
Забудь!..

Это все Театр... лучший в мире,
Наш Театр... умник и гордец...
Помнишь, как однажды он в Шекспире
На глазах испепелил дворец,
Помнишь, как потом мы вышли в город,
Как он ждал нас, теплый и живой.
Капли тихо падали за ворот,
Это он выискивал нам повод .
С ним побыть и не спешить домой...

Шел апрель, и небо то шептало,
То шутя гремело во всю мощь...
Мы потом под оперным порталом,
Как вечерню,
отстояли
дождь..

КАРТИНКИ ДЕТСТВА

В нашем старом, круглом цирке
Стулья грохали, как пушки,
По ковру метлою чиркал
Заводной униформист...
Балагурил Белый Клоун:
„А работать будет Пушкин?
Это кто тут избалован,
Кто тут на руку нечист?“
И по кругу шел с развальцей,
И грозил кому-то пальцем .
Так, как будто бы кого-то
Он и впрямь изобличал...
А чтоб мне не стало жутко,
Чтобы знала – это шутка,
Он по-доброму и чутко
Мне кивал из-за плеча...

Пахло трубочками с кремом...
Выходили Хан с Заремой,
Открывали нам Восток...
Сам – в чалме, в туфлях узорных,
Рукава в жемчужных зернах...
(Одалиски из гарема,
Разводя руками, немо,
Разделяли наш восторг).

Дирижер Рудольф Коняев,
Музыкантов погоняя,
Ни на миг неумолимый
Не сводил с манежа взгляд...
А оркестр был то нежен,
То стремителен, то бешен,
И притом ни разу мимо,
И притом все время – в лад...
Удивительное дело!
Ну, а мне... мне так хотелось
В этот страшный, первый ряд.

Ах, какое было время!
Нам тогда читали Брема...
Нас водили в воскресенье
В старый, добрый зоопарк...
Там тюлень у входа фыркал,
И рукой подать до цирка,
И на каждой клетке бирка:
Кто сюда попал и как...
Этот Пятый день Творенья,
Это Божье вдохновенье
Нам давалось – за пятак…

А зверья-то сколько было,
Сколько блеяло и выло...
Кто, куда и как исчез?!..
Там ведь было всякой твари
Многим больше, чем по паре,
А пернатых и не счесть....

Там орлы, как эскадрилья,
Вдруг распахивали крылья,
Вспоминая прежний пыл...
И держали на весу их,
Как оказывалось, всуе,
Только стряхивали пыль...

Там томился в черной луже
Бегемот моченой грушей,
Будто в собственном соку...
И по первому же зову
Выходил с раскрытым зевом...
Было вырезано "Лева"
На тугом его боку...
На боку . как на суку...

Был и страус в белой пачке,
Были даже лев с собачкой
(Он и вправду с ней дружил)...
Жили лани на откосах,
А внизу верблюд, в очесах.
Да и кто тогда не жил...

Шимпанзе жила в сарае,
Как изгнанница из рая
(За какой такой грешок?)...
Взгляд ее при каждой встрече
Был внезапен, как ожог...
Только что не говорила,
Тихо кашляла, курила…

И совсем по-человечьи,
Даже более . по-зэчьи .
Плечи кутала в мешок...

Ах, как время быстротечно...
А казалось, будет вечно:
Зоопарк, а после – цирк,
А потом и к деду в гости,
Леденцы клюя из горсти,
А в ушах – тигриный рык....

Обветшала та копирка...
Хоть по-прежнему до цирка
От него подать рукой,
Для иной теперь салаги
Зоопарк шумит в овраге,
Да и цирк уже другой...

***

В укор крутому веку
Давно хотел старик
Собрать библиотеку
Из выброшенных книг.

Собрал и вскоре умер.
Представьте, сам игумен
Махал над ним кадилом,
Хоть в церковь не ходил он.

Отпел его задаром
И не жалел свечей
Игумен. Тоже старый
И тоже – книгочей.

КЛЕН

Когда весь сад был разорен,
Как липка, ноябрем ободран,
Ты все еще стоял царем,
Самонадеянным и бодрым...

Но ты и после не обрюзг,
Весь в старом золоте, плечистый,
Ты молодому декабрю
Так и не дал себя обчистить...

Ты сам себе назначил час,
И, как всегда, был безупречен .
Не суетясь, не мелочась,
Ты разом все спустил за вечер...

Потом ты молча, свысока,
Следил, как убывает солнце,
А ветер быстро, под закат,
К себе сгребал твои червонцы...

ЯБЛОНЯ

Он стоял у ограды – наш тайный искус;
Весь в зеленых плодах, не дозревших ни разу,
Предлагая нам горечь: "Всего лишь на вкус,
Пока горя не ведают сердце и разум....".

Как он ловко умел нас поддеть на крючок,
Как ловил... и ни разу при том не промазал...
Как хитро этот хилый, корявый дичок
Искажал наши лица горчайшей гримасой...

Вдруг в разгаре игры он шептал мне: "Пора!...",
Выбиваясь локтями из райского гомона,
Я бежала к нему в дальний угол двора .
Усмирить непомерную радость оскоминой:

Маску скорби примерить, и тотчас – назад,
Чтоб еще веселее бежалось по кругу,
Чтобы годы спустя, заглянув ей в глаза,
Улыбнуться сквозь слезы, как старому другу...

А иначе – как выдержать этот накал,
Эту жизнь, эту ясность безбрежного лета...
Этот ветер в ушах, пока мчится строка,
Эту звездную тишь, когда песенка спета?..

Бесик Харанаули

***

Я закрою глаза
И усну сладким сном,
Потому что возьму тебя в плен моих снов.
Веки сомкну осторожно...
А наутро
Слёзы мои отопрут тебе двери
И ты улетишь...

***

Есть минуты,
Когда среди ночи
Ты вдруг слышишь какие-то звуки...
И теряешься,
Не можешь понять,
Что они напоминают -
То ли цокот копыт,
В память впечатанный с детства,
Или страх, когда деревья
Шумят листвой,
Стук женских каблуков
И мучения студенческих лет.
Есть минуты,
Когда среди ночи
Ты вдруг слышишь
Какие-то звуки...
И лишь позднее
С трудом понимаешь -
Это бьётся сердце Земли.

ПОЭТ

Ни на глоток,
Ни на грош,
Ни на один стебелёк,
Ни силой,
Ни умом:
А лишь – одной слезой
Я больше вас!

ЛЮБОВЬ

Я был у тебя этой ночью,
Но не застал тебя дома...
И дома твоего не было нигде в городе...
И того города
Не было нигде на земле.

***

Хлопнули дверью,
Ушли,
Защемили в дверях мой взор,
Устремлённый им вслед.
Перерезали луч
И оставили здесь
Грустное лицо человека,
Обрамлённое далёкими воспоминаниями.
Забрали уж и его.
Опустошённое,
К чему оно мне теперь!

ИЗ МЕЧТЫ

Благослови тебя Бог,
Солнца утренний луч,
Путь твой ко мне был так долог,
Что в дороге
Изодрались твои башмачки,
И стоишь ты теперь босой
На моём подоконнике.

БЕССОННИЦА В ДЕРЕВНЕ

Не спится,
Ну и пусть...
Мою развеет грусть
Лай деревенских псов
И крики петухов,
И шорохи ночные,
И стрекоты сверчков.
Ведь даже в кущах рая
Не слышно будет, знаю,
Всех этих голосов.

БАБОЧКИ

Любовь началась у нас,
Как у бабочек,
О которых
Все знают лишь то,
Что дни у них сочтены.
Поэтому нас прощали и не травили.
Мы и сами были так напуганы,
Опасались
Первых дней, первых встреч,
И всюду,
Куда б ни впорхнули,
Ощущали себя чужими,
Помня всегда, что мы бабочки,
О которых
Все знают лишь то,
Что дни у них сочтены.
Но время,
Наверное, было за нас.
Прошли и весна... и лето...
И как-то холодным вечером,
Когда мы заглянули в полюбившееся нам кафе,
Женщина, подававшая кофе, которая прежде
Обслуживала нас
С ничего не выражающим лицом,
Смотрела на нас доверительно и улыбалась..

Спасибо, бабочки,
Вы улетели,
Вы забрали с собой
Свои хрупкие ломкие крылья,
Свою тленность и недолговечность.
И оставили нам на память
Бесконечную трепетность.

Тариэл Хархелаури

***

Тень вечера нависнет надо мной,
Я чувствую:
Снег нынче неминуем.
Куда тебя несёт,
Листок сухой?
Неведомо.
А путь мой – предсказуем.
Как мощно
Ветер крыльями взмахнул.
Он в трепет
Привести тебя желает.
Тебя счастливей я
Уж потому,
Что этот ветер
Мной не понукает.
Ущелье
Бьёт наотмашь ветер злой.
Молчит гора. Снег нынче неминуем.
Куда летишь, бродяга,
Лист сухой?
Неведомо. А путь мой – предсказуем.

***

Ветер пробует силу, летя на коне,
Небеса растревожились, тучи как угорелые,
Каково с ним остаться одною луне...
Да куда ж подеваешься, стой, оробелая...

Что ж, пребуду в покое и мире, пока
Смертный час не пробьёт, по завету отцовскому,
А потом схороню в вихре плоть старика,
Отделив от души, по обычаю горскому.

Маринэ Цхведиашвили

***

У чертогов небесных с мольбою стою,
Повернувшись спиной к суете и тревогам,
Без тебя в этом городе я не спою,
Не вмещусь, не вживусь, не останусь, ей-Богу.

В лунной исповедальне и в солнца краю,
Помнишь, башни страстей – не клеймо преступленья...
Ты осушишь до дна чашу сердца мою
И умрёшь, как погибель сама, во мгновенье.

Слёз родня не прольёт, не помянут друзья,
В этой ночи разломанной, ночи дождливой,
Лучше мёртвым? Живым? Не поймёшь – чья стезя
В этом мире подлунном светлей и счастливей?

Горсть земли, что упала на грудь – это я,
Рассыпаюсь, шурша, не вспою тебя влагой,
Я – судьба ли твоя? Или, может быть, я -
Лишь оплакать сгожусь, здесь, у края оврага?

Кто молитвой спасёт меня от сатаны?
Что поделать? Давно в чудеса я не верю.
Приговором застывшим стою у стены,
У гранитной стены безвозвратной потери...

МАКОВАЯ СВЕЧА

Поля, пошатываясь, вслед за мной бредут,
Как каторжники... Ландыш в косы я вплетаю...
«Осанна – в вышних!» – боль и муки сердце жгут,
На царство иль на смерть ведут – не разбираю...

То рыцарями, что поклялись на мечах,
То сумрачных сердец парадом нивы мнятся.
Предавших Господа – род жив и не зачах,
Удел судов – и днесь за злато продаваться.

Где ваша правда, где? Отмерь от сель до сель,
Как в люльке – на весах награда, осужденье;
Наследье предков – крови полная купель,
Как на неё взвалить свои грехопаденья?

Доколе мчаться нам с копьём на мельниц твердь,
Униженными быть, быть битыми жестоко?..
Распятым, проклятым одна награда – смерть,
Но обречён на жизнь поэт с печатью рока.

Звонят колокола – осанну не поют,
Голгофы час, в молитве звонари рыдают.
Распахнута душа – боль, муки сердце жгут,
В кровавом поле мрак свечою догорает...

ИСПОВЕДЬ ПАСТУХА ВЕТРОВ

Не надо оплакивать росписей блёклость и осыпь,
Не надо заутра молебен служить в этом храме.
Здесь плоть меня ищет своя же, и тянется осень
По всеми забытым крутым берегам Алазани.

Без устали штопаю я паруса, ибо должен
Отправиться в путь и достигнуть Отчизны желанной,
Ветров пастухом я Спасителем рукоположен,
И вихрям в людских сновиденьях служу я охраной.

Закован я в верности цепи, вздохнуть – мочи нету,
Шелков и парчи пастуху на одежду не надо,
В атласе да бархате мне неуютно по свету
Бродить, погоняя ветров непослушное стадо...

Когда же небесный огонь по долинам-отрогам
Земным пронесётся – несущею гибель грозою,
Я буду слезой человечества, пролитой Богом,
Я буду греховного нашего мира слезою.

Но вновь возвращусь я – и стихотвореньем и притчей,
Будь лира моя – приговором ехидне и змею,
Слугою Господним, с молитвою слился я нынче,
Оставьте ж меня в келье прошлого, с верой моею...

РЕКВИЕМ

Завтра Красная Пятница – коршуны воспоминаний
К безымянной могиле слетаются в серой тиши...
Где последний приют? Где последняя пристань скитаний?
Время лечит любовь, не врачуются раны души.

Ах, Марго, всё ей мало, в Париж захотелось, капризной,
Как вуаль её, вслед долг казённый – змеёй по тропе,
Где же, где ж талисман, ускользнувшая в вечность харизма,
Лишь холодный отказ возвращён на цветочной арбе.

Подсластят тебе гибель – распахнуты лучшие залы.
"Ах, маэстро, пожалуйте! – были мы слепы, пардон...".
Только где схоронили, лопатой какой забросало?,
Ты один только знаешь, где бренный твой прах погребён.

Завтра Красная Пятница, помни, Никала, об этом,
С каждым толстым духанщиком запанибрата не пей,
Из Куры водоносы влекут свои вёдра с рассветом,
И заря распахнула объятья пред смертью твоей.

Город осиротевший в чувяках истоптанных бродит,
Сбросив ночи разгульной покровы, греха не тая,
Многогранны обличья: то льстив он, то праведен вроде,
То печальною ланью глядит... Где же пристань твоя?

Подскажи, на какой тебя брег занесло ненароком?
А иначе за слово моё не дадут ни гроша.
Ведь нужны сазандару друзья, чтоб запела душа,
А потом захлестнёшь моё сердце, как горным потоком,
Покрывает вершину река, и бурля, и спеша...

Не глумитесь над даром, помоями брани глуша,
Ковры расстелите широко.
И любовью утешьте, бессонных ночей сторожа...

До Голгофы твоей через тернии путь, чрез мученья,
Завтра Красная Пятница, солнца виднеется край,
Худощавое тело твоё подлежит осужденью
На распятье...
Бездомный и сирый, Никала, прощай!

Как беспомощны души, как призрачна тайна спасенья -
Далека и близка... Проливаются с неба лучи...
Солнце катят кинто, как бурдюк...
Дни, минуты, мгновенья
Сочтены, петушиным хвостом в небе месяц торчит.
Обокраден зарёю, хвостом петушиным торчит...

Дым валит отовсюду, не дэвы ль табак закурили?
Алым пламенем бьётся заря, пробуждая, пьяня,
Цвета вишни лесной облака, разузорясь, поплыли,
Кто лишил горемыку-Никалу рождённого дня?

- Нет, никто неповинен, я сам на рассвете споткнулся,
В царстве солнца, хромец, холощёное стадо погнал...
Мама, мама моя! Где же ты? Я уже не проснулся.
Мама, мама моя, я к рассвету уже опоздал...

Незаметны, безрадостно годы, виясь, миновали,
И отёсаны брёвна, и крест водружён над холмом,
Завтра Красная Пятница, день безысходной печали,
Ты ж, нестроен, нескладен, покоишься белым стихом.

О своём, наболевшем, колосья шумят – первоцветы,
Исполин-чародей толщу стен одолел – ну и что ж?
Нам и он не указ – не нужны чудотворца советы,
И доколь на земле будут царствовать чванство и ложь?

Завтра Красная Пятница, храм содрогается в горе,
Поминальные горькие чаши допиты до дна,
Серо-дымчата, тянется хмурой зари пелена...
Вопрошаю – где прах твой, Никала, и эхо, мне вторя,
"Где же, где?" – отозвалось – а надо ли, надо ль искать?

Все могил удостоены – добрые, злые земляне,
А тебе в безымянной безвестной могиле лежать.
На коленях прощенья прошу у Нико Пиросмани,
Завтра Красная Пятница, нам её не избежать...

МОЛЬБА В ПАСХАЛЬНУЮ НОЧЬ

Полей и хлеба, мужа запах терпкий
Не дай забыть и жажду утоли,
Мой добрый Боже, Боже святый, крепкий,
Пока свечой горю я на земли;

Дыханье сына сладко пред зарёю,
Напевы ветерка из облаков,
А в час урочный – дай предстать с мольбою
У врат Твоих, избави от грехов...

Мой бренный прах грядущего основой
Вернётся в землю – завтра или днесь...
О, дай найти мне, Боже, в жизни новой
Дороги те, что потеряла здесь...

Темур Чалабашвили

ВЕК НЕ НАЙДУ ОТВЕТА Я

Жизни чересполосица -
Как на разгадку выйти тут?
Где за улыбку – спросится?
Где прослезишься – выдерут?

Или гульнуть когда пора?
В ящик сыграть? – не ведаю.
Слишком сложна парабола,
Век не найду ответа я.

Век не найду ответа я.
Прорва уже прожита дней...
Ох, голова ты бедная,
Хоть отрубай – тужи по ней.

***

Мтацминда погружается в туман,
Наброшен на Кашвети ночи полог,
Чем день ясней, тем пуще горечь ран,
Потока Мтквари путь до моря долог.

Гор призраки похитили луну
И пригвоздили к куполу Метехи,
Себя распятой вспомнивши, в плену,
Дрожишь замёрзшей птицею в застрехе.

Промчишься ланью в поисках луны,
Дождём с небес твои прольются слёзы,
Туман. В ночных объятьях тишины
Мтацминда о луне лелеет грёзы.

ИСПОВЕДЬ

Моей Гете

Я тебя сдружил с нуждою,
К беспорядочному быту
Приучил. Чего ж я стою,
Неудачливый, небритый?
Заморочил, как ребёнка,
Словом сладким, лаской нежной,
Жизнь казалась песней звонкой,
Бесконечной и безбрежной.
Но удел поэта тощий
(Знал ведь я!) – тебе сгодится,
Хоть зятёк не в радость тёще,
Пилит – не угомонится.
Годы мчатся... Что-то сдал я,
Не дано родиться снова,
И кольцо, что обещал я,
Не купил – нарушил слово.
Пред тобой в долгу я, знаю,
Но не всё ещё пропето.
Ты – прекрасна. Ты – иная...
Ты и впрямь – мечта поэта.

***

Только выбрался – вновь окован я
Одиночества кандалами,
Сколько снега с небес даровано,
Нет со мной тебя вечерами...
Ты и снег – одно имя-отчество,
В вас единое бьётся сердце,
Возвращенье из одиночества
В одиночество было бегством.

ДОЖДИК ЗАДРЕМАЛ

Дождик задремал
На стожках сенных,
Вновь я вспоминал
Запах кос твоих.
Где ты столько лет?
В дальней ли стране?
Не тоскуешь, нет, -
По былой весне?
Ясь твоих очей -
Словно вёдра луч,
Нет её светлей -
Брызжущей из туч.
Взор мой пред тобой
Не предстанет вновь...
Глуше сердца бой,
Громче плачь, любовь...

На стожках сенных
Дождик задремал...

Я СТАЛ С ТОБОЙ ЕДИНЫМ ЦЕЛЫМ

Я стал с тобой единым целым, так верил, так любил,
И ты была моей мечтою, а я – лишь тенью был,
И стала ты моей печалью, глубокою тоской,
А я – всего лишь грустью лёгкой, неслышимой тобой.
И, как бывает сплошь и рядом, судьба нас развела,
Лишь грёзы бледные остались, как утренняя мгла.
Неизлечимы раны сердца, эх, раньше мне бы знать -
Чем дольше порознь будем жить мы,
тем больше тосковать...

ИЗ ЦИКЛА *ЛЕДЯНОЙ ГОРОД*

Я – твой навек. Навек – вдвоём.
Былые мифы стали прахом.
Гегутским ты взнеслась крестом,
А я – десницею монаха.
Земля ведь тем жестоко мстит,
Кто с мест насиженных сорвался,
Пусть облик мой не удивит
Тебя. Горда ты, как упрямство,
Я ж – кроток, как ребёнка стыд.
О, город мой, ты так высок...
«Спаси» – шепчу, сомкнувши вежды,
Пусть тела движется мешок,
Не оживёт моя надежда...
И выдувают кровь ветра,
За каплей каплю... Пахарь славный,
На пашне слепну. Что ж, пора
Увидеть рай обетованный...
Ты – царственна. Скажи, когда
Морщин твоё чело не знало?
Ответь, не замыкай уста,
О, буйство красок карнавала...
В богатстве этом – бедняком
Я чувствую себя... Поверьте,
Что человеку быть шутом
Негоже на такой планете.

Всё – только утешенье, сон,
В чужом бокале вянут розы...
Где начат путь, где кончен он -
Загадка, тайна... Смех сквозь слёзы.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Одна земля -
Последней битвы поле,
Но как мы жаждем первенства,
Живя!
Гнобим друг друга,
Но без хлеба-соли
Не можем жить -
Душою не кривя.

РУЧЕЁК

О доле ручейка вздыхает океан,
Уюта он его, изящества желает...
Не видно корабля, в загуле капитан,
Теченье мутное, как в люльке, грусть качает.
Над океаном ночь, искрятся стаи туч,
А по утрам подсчёт ночным грехам ведёт он,
Рвёт грудь ему буран, как тать лихой, могуч,
Твоё же имя... Плеск и нежная забота.
Величье – звук пустой, не числишь ты времян,
Течёшь себе, течёшь, не думая о чуде,
Разгневан океан – вернётся ль капитан,
А на твоих брегах «Покой» читают люди.

ЗАПЛАЧЬТЕ, ДОЖДИ...

Глаза апрельских трав с утра полны слезами,
Сплетенья синих бус бегут в поля – след в след...
Явились облака суровыми гонцами,
Отмстить – пощады нет...
И мирно дремлет мир, ветрами убаюкан,
И с неба льётся желчь, снежинками струясь,
И глинозём ползёт... А вдруг свернёт на юг он,
И – хрясь!
Здесь, что ни день, горят подсвечники любовью,
У немощных лучей голени гнутся враз,
Умру я – и свечи не сыщешь в изголовье?
Так дождь, заплачь сейчас!

Вано Чхиквадзе

СИРЕНЬ

Суетятся, хлопочут святые отцы возле ульев,
И в кустах ежевики закат цвета мёда горит,
И унылую треплет сирень вешний ветер, сутуля,
Опоздала зацвесть, у ограды, скучая, стоит.

И за каплею капля отцедится звон колокольный
В душу мне, и расплачусь, раскаюсь в грехах без прикрас.
Был. Тебя повидал. Уезжаю. И горько, и больно.
Ты ведь встанешь, сирень, в изголовье моём,
в смертный час.

По разорванным тропам стремлюсь в небеса –
ждут меня там,
Сироту, распростёрши объятья, насельники звёзд.
О, какое блаженство, здесь всё лучезарно и свято,
Крестный путь я прошёл, миновал я и радуги мост.

Суетятся, хлопочут святые отцы возле ульев,
И в кустах ежевики закат цвета мёда горит,
И сирень примостилась к ограде, понурясь, сутулясь,
Но прекрасна она в час вечерний, когда загрустит.

***

Ох, декабрь, ох, мороз,
Вихрь последний лист унёс.
Не помочь ему. Ни зги
Не видать. Твои шаги
В желтизне осенних дней
Слышу в памяти своей.
Скоро ляжет белый снег.
Но пройдёт зима. Не век
Ей царить, в душе – буран
Успокоится. Пора
Выйдет – зазвенит капель,
Миру явится апрель,
И взбурлит в груди любовь
По весне – взыграет кровь.
Чокнусь – и лишусь я сна
В час, когда придёт весна...

***

Мы на заре явились в этот мир,
Беспомощней росинок на поляне,
И начисто забыли под луной -
Что было до, что было с нами ране...
Как будто мигом выключили свет,
Идём на ощупь в темноте кромешной,
И подавили ненароком мы
Птенцов и гнёзда, поневоле грешны.
Мы до рожденья – на одно лицо.
Но после – как Отца-листа прожилки,
Врозь расползлись – став сами по себе,
Своею жизнью худо-бедно жили...
Сегодня человек подмоги ждёт,
Звонков тревожных слышатся раскаты.
И если сердцем добр и чуток ты,
Дерзни – ответь, приди на помощь брату...

Давит Шемокмедели

ДОЖДЬ В ГОРОДЕ

1

Ливень взорвется протуберанцем,
Исхлещет бичом листву, как отару.
Стоишь, растерявшись,
как школьник с ранцем,
Мокрым столбом на краю тротуара.

Лишь юные пары бегут по водам,
Что подступают неумолимо,
Да утренний город, спеша на работу,
Ревя гудками, проносится мимо…

2

Мысли обвисли, ссутулились годы.
Дождь… Безнадежный – вовеки и присно.
Словно и нету огромного города
С жизнью его суматошно-неистовой.

Тянешь с друзьями из кружек пену,
Чтобы спастись от забот зубастых…
Пишешь… И косится с подозреньем
Соседка твоя в халате цветастом.

3

Осень листвой облетающей машет
(«*Желтый снег*» – сочинится по ходу).
Ветер воет, и кружит, и пляшет.
Водитель сквозь зубы ворчит на погоду.

Парни промокшие бьются с мотором –
Машина сопит, словно бык, упираясь.
Хлещет и хлещет нас всех без разбора
Дождь, не слабея и не кончаясь.

Бредешь по подъему улочкой длинной,
Встречаешь вымокшую собачонку…
Сидеть бы сейчас себе у камина,
В нарды стучать да вести подсчеты…

* * *

Жили и жили вдали друг от друга
Дни и недели, и долгие годы
Чем же развлечься теперь на досуге?
Чашечка кофе тоски не разгонит.
Пусть же шампанское вспенится пышно,
Так, чтоб поверили мы, что сначала
Можно прожить – без метаний и шишек,
Просто и ясно, светло и печально.
Оба поверим мы этой химере…
Только вот прошлое встанет у двери
И никуда не уйдет этой ночью.
Сплетня по ветру вьется лисицей.
Тени длиннее, а жизнь все короче –
С нас облетают янтарные листья…

ПЕРВАЯ ДВОЙКА

Помню – схватил ее
классе в десятом.
Тема была:
«ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?»

…И я вдруг вспомнил
тот зимний вечер:
мама золу ворошит неспешно,
входит отец,
бегло нам улыбнется
и за газету привычно возьмется.
Словно беспомощные пичужки,
сестры
к теплу очажному жмутся…

Я подумал, подумал
и написал через всю страницу:
«*Счастье – это,*
когда все дома!..»

ВОЙНА

Дом обветшавший с сорванной ставней,
Поле бесхозное – словно пустыня…
В доме – отец, исхудалый, уставший,
Мать, что лишь черное носит отныне.
Дождь непроглядный на целом свете.
Хлопает мерно дверью неплотной,
Треплет, ворвавшись, ноябрьский ветер
Волосы парня на давнем фото…

ПРОСЬБА

Перетерпи уж как-нибудь, мама,
конец еще одной, этой зимы
этот забор
что вконец развалился
этот глухонемой снегопад –
все эти месяцы
без передышки
землю собой засыпает небо.
Терпи,
над золой очажной склонившись,
отцовские жалобы на суставы,
терпи
и свои, не меньшие хвори –
боль в натруженной пояснице
(в любую погоду
за хворостом ходишь…)
Терпи,
когда вслед усмехается сыто
сосед
(ты-то знаешь – бывает и хуже)
Перетерпи уж как-нибудь,
мама,
этот конец этой жизни тяжкой
Знаю, как болит твое сердце –
и днем, и ночью,
в трудах, и в постели…
И если тебе чего не хватало,
видит Бог,
всего только – денег

(А все же каким-то великим чудом
всю жизнь ухитрялась
выглядеть так,
словно все в порядке и в доме достаток…)
Знаю, как горько тебе
припомнить,
сколько всего тебе недодали
за целую жизнь…
Кротом барыга
забился в лавку –
терпи
когда кто-то ворует нещадно
наши труды или нашу память;
когда уставшая, с треснувшим сердцем,
ты возвращаешься
в дом остывший…
Ведь самое большее, две недели
протянет зима эта, в самом деле
И снова – белые двор и поле,
тропка на мельницу,
хвороста связка
Незатухающая свеча –
реет хрупкой поздней снежинкой
жизнь твоя, мама,
над очагом…

МИГРАНТКА

Магнитофон, приглушённый свет,
Безумная пляска гибкого тела…
Когда мы расстанемся, этот вечер
Мне вспомнится –
фантасмагорией, сном
С непостижимым его естеством,
С его подозреньями и прозреньями…
Ты жарко доказываешь:
Галактион значительней
И Элюара, и Блока –
Я слушаю без возражений.
Смеешься, в венце сигаретного дыма –
Так молода, так страстна и красива,
Что страшно боюсь хоть чем-то нарушить
Адскую эту твою красоту…
Рассудит пусть прошлое
Наши споры –
Там, где над школьной истертой партой
Стыдливо склонились твои косички;
Там, где отец мой бредет с покоса,
Серп тяжелый зажав в ладони…
…А ты,
Проснувшись от рева машин за окном,
Вспоминаешь – деревню… мать…
И подросшие травы
На месте тех встреч?..

МОНОЛОГ ВИЙОНА

Полночь пройдет – я пускаюсь в дорогу.
Вы же таитесь, сопя, в своих норах,
В царстве пылающих люстр и окон,
В недрах своих хрусталей и фарфоров.

С ношей грехов своих, мыслей нечистых
Спешите спастись от призраков ночи,
Не слыша в упор, как кто-то насвистывает

Лихую балладу у грязной обочины.
Взгляды замечутся, липким удушьем
Страх полуночный подступит к горлу.
Сны преисполнятся кровью и ужасом
В пыльной луной озаряемом городе.

Все здесь мое: эта ночь, это небо,
Звезды и тучи – по вышним законам!..
Кто, как не я, прочитать вам сумеет
Строки, что врезаны в сердце Вийона?..

Пил я и крал, дебоширил и дрался,
Но различал плач цветка, шепот снега…
Все забирайте земные богатства,
Мне же оставьте – лесенку в небо!..

ДВОЙНИК (ALTER EGO)

Я не мог разгадать
Твоих козней, измен твоих ушлых, лукавых,
Полушария мозга
Свинцовою тяжестью гулко столкнулись
На качелях моей гомосферы – мышления зоны рабочей,
Корёжа друг друга...
Издоманаслужбусработывсемью,
Тянешь длинную лямку
Обязанностей неизменных,
Сколько раз прикрепишь бечеву –
Столько раз оборвётся.
И одною рукою себя осеняешь крестом ты,
А другою сжимаешь кинжал,
Под лопатку вражине назначенный.
Не один ты родился на свет, материнское чрево покинув,
Alter ego – двойник, он с тобою навечно сроднился,
Хоть на разных наречьях общаетесь вы меж собою...
Точно как сололакский парнишка с гурийскою тёткой.
А мужчины, почуяв чесночного варева запах,
Набиваются тут же в друзья, прибежав на похмелье,
Представляя себе стопку водки и хаши дымок из тарелки.
Занимаются женщины сексом с тобой, исцеляясь
От симптомов своих невротических, связанных с уединеньем,
Без любви, без заботы, без ласки...
И в подушках твоих ныне значатся лишь вековуши,
У кого не сложилось замужество, ранены души,
Равновесие гендерное фатум грубо нарушил…
Платонических много ль скопилось подружек, ответь?

Их в постель не манишь, и они не манят тебя тоже...,
И какое из двух этих «я» настоящее –
Средь подвыпивших шлюх, что вломились в твой дом,
Или кающихся пред иконой Иоанна Предтечи,
Горько плача, кляня себя за непотребные речи,
Жизнь – один марафон беспрерывный, рождением начатый,
Он закончится кладбищем, это бесспорно,
Но почувствуй всем сердцем, как входит мгновенье последнее,
И поймёшь, что Сократа завет невозможно исполнить при жизни…

***

От «а» до «я» – в азбуке,
От альфы до омеги – в метафизике,
От элементарной частицы – до исполинской планеты –
в галактике,
Где найдёт наконец свой приют и прибежище
Эта бродяга-Вселенная?
И возможно ли человеку
Устремления жизни своей уместить
В разнонаправленных течениях четырёх рек Эдемских:
Фисона. Гихона, Хиддекели, Прата –
Одно – для алчущих злата,
Другое – взыскующим в мире разврата,
А третье – не мыслящим жизни без славы, почёта,
Четвёртый поток же –
Пророкам, мыслителям и звездочётам.
Как же их съединить?
Человек пребывает везде и нигде,
Так не лучше ль оставить метанья, скитанья, быть там,
где ты есть,
Пока не настанет время погаснуть твоей звезде;
Мучим ты частоколом словес,
И дрожащей рукою выводишь извилины фраз,
Мысля – только б звезды моей раньше времени свет не погас...
И чего дожидаешься здесь,
Преклоняя колена перед компьютером,
Умертвившим твоих читателей...
Девы-поэмы ночами в раздумья твои крадутся,
Мыслями завладевают, искус тебя охватит...

Может, разок-другой ускользнёшь из сетей,
Да однажды
Всё-таки втюришься... Всё же тебя окольцуют...
Оглянись – плачет Грузия, словно дитя в лихорадке...
Поспеши ей на помощь, заботу свою прояви...
Размышлений потоки плотиною останови,
И слова обуздай, точку время поставить пришло,
Иль покинут тебя стихотворцы, певцы, живописцы...
До точки – краткое текстовое сообщение
Для этой Вселенной,
Белый лист в ожидании слов, упоительных, лестных,
И тебе безразлично, что целятся в «яблочко» сердца, палят,
Пересудами, сплетнями, низким враньём иль хвалою...
Если в жизни нет цели, если не хочет солдат
Генеральский примерить мундир –
Значит, тенью мелькнули
Годы жизни твоей...
А за точкой,
За чертой бытия – сколько новых амбиций...
Пусть же душу бродячего мира
Крылья души твоей слабые пушистые воробьиные.
Провожают по вечности,
Вне времени, вне пространства...

Биографические данные авторов

Маквала Гонашвили, 1.03.1959. Поэт, прозаик, драматург, переводчик. Лауреат Государственной премии Грузии им. Шота Руставели, премии им. Якоба Гогебашвили Министерства Культуры Грузии, премии им. Анны Каландадзе, Галактиона Табидзе, им. Ильи Чавчавадзе, международной премии Сергея Михалкова („Лучшая книга 2016 года“), ряда международных фестивалей, в частности, Фестиваля "„Женщина и терроризм“ (Италия, 2005)

С 1989 г. основатель и президент Ассоциации молодых писателей „Гулан“. Основатель и редактор англоязычной детской газеты *Hallo baby*. Ответственный секретарь, с 2004 г. председатель Союза писателей Грузии. Автор двадцати поэтических сборников («Огонь маков», «Слезы солнца», «Я люблю тебя», «Моя жертва, «Моя клятва», «Здесь и перед тобой», и др.), детских книг («Солнечный свет», «Удивительные приключения поросёнка Коки», «Рождественская сказка» и др.) и пьес, поставленных во многих городах Грузии (Ция, Мечта и Цирк, 1988, Боржоми, Новогодняя сказка, 1991 Тбилисский театр кукол, Тетри Раши – 1992 – Руставский театр кукол). Её поэтические сборники изданы на русском, немецком, английском, итальянском, украинском, армянском, азербайджанском и иврите. Переводы с украинского (стихи Лины Костенко), армянского («Антология армянской поэзии», «Любимые слова» Гагика Давтяна), русского (Сергея Есенина, Владимира Маяковского, Лены Ивановой-Верховской, Ивана Переверзина).

Багатер Арабули, 5.10.1950. Поэт, переводчик. Лауреат Международной премии им. Владимира Маяковского, премий им. Галактиона Табидзе, Тициана Табидзе, Давида Агмашенебели. Кавалер Ордена Чести.

С 1985 года редактор (главный редактор) журнала «Нобати»; был руководителем секции поэзии (затем – редактором) журнала «Цискари». Автор тринадцати поэтических сборников, ряда переводов. Его стихотворения переведены на русский, украинский, болгарский, итальянский, испанский, армянский и др. языки.

ВахтангГлонти, 4.12.1954. Поэт. Лауреат премии им. Галактиона Табидзе, Тициана Табидзе, "Золотая книга" и премии "Гулан". "Рыцарь грузинской культуры" (почетное звание), признан лучшим деятелем искусства года (присвоено Батумской мэрией). Автор более 10 поэтических сборников. Его хотворения входят в антологии разных стран мира.

Манана Дангадзе, Поэт, прозаик. Член СП Грузии, Международной Гильдии Писателей и академии наук "Фазиси". Автор поэтического сборника, сооснователь лит. журнала "Перекрёсток". На стихи Дангадзе написан целый ряд популярных в Грузии песен.

Бадри Кутателадзе, 28.03.1949. Поэт. Лауреат Государственной премии Грузии, премии им. Нико Николадзе и премии им. Ильи Чавчавадзе. Кавалер Ордена Чести. Обладатель медали Амагдари. Его произведения входят в поэтические антологии многих стран мира.

Эрекле Саглиани, 15.05.1956. Поэт. Победитель (Гран-при) Литературного конкурса Американского православного союза. Премии им. Ильи Чавчавадзе и Джемала Аджиашвили за художественные переводы. Переведен на многие языки.

Нино Сихарулидзе, 19.04.1962**.** Поэт. Филолог. Автор ряда поэтических сборников.

Лия Стуруа, 15.05.1939. Поэт. Лауреат Государственных премий им. Шота Руставели, Ильи Чавчавадзе и Галактиона Табидзе. Кавалер Ордена Чести. Переведена на многие языки.

Ия Сулаберидзе, 22.08.1965. Поэт. Лауреат премии Ладо Асатиани, первой премии литературного конкурса «Молодая Европа» (Италия). Переведена на многие языки.

Давид Тедорадзе, 14.07.1949. Поэт. Лауреат премий им. Ильи Чавчавадзе, Мемеда Абашидзе, Георгия Леонидзе, Ладо Асатиани и Оле. Кавалер „Ордена Чести“. Председатель Организации писателей Аджарии. Имеет звание "Рыцарь грузинской культуры". Почетный гражданин Батуми. Переведен на многие языки.

Эдуард Угулава, 19.09.1973. Поэт, прозаик. Лауреат премии имени Галактиона Табидзе, автор многих поэтических сборников. Переведен на многие языки.

Паола Урушадзе, 26.10.1947. Поэт, переводчик, театровед, кандидат искусствоведения. Автор ряда поэтических сборников. Автор книги „Шекспир и Грузинский Театр“.

Бесик Харанаули, 11.11.1939. Поэт. Лауреат премий им. Шота Руставели и Ильи Чавчавадзе. В 2010 году был номинирован (от Швейцарии) на Нобелевскую премию по литературе .

Тариэл Хархелаури, 01.01.1946. Поэт. Лауреат премий им. Важа-Пшавела и премии Сагурамо. Переведен на многие языки.

Маринэ Цхведиашвили, 02.01.1960. Поэт, прозаик. Лауреат премий им. Важа Пшавела, Георгия Леонидзе, Ильи Чавчавадзе, Галактиона Табидзе, Джемала Аджиашвили и премии Шотаоба. Председатель Союза писателей Квемо Картли. Автор более десятка поэтических сборников. Переведена на многие языки.

Темур Чалабашвили, 12.11.1951. Поэт. Лауреат премий Сагурамо и премий им. Галактиона Табидзе и Иванэ Мачабели. Переведен на многие языки.

Вано Чхиквадзе, 05.10.1947. Поэт, прозаик. Лауреат премии ЛКСМ, Союза писателей Грузии (2), премии Pen-Marathon, журналов «Наше письмо», «Саба», «Церо» и премии им. Маквалы Мревлишвили. Кавалер „Ордена Чести“. Почетный гражданин Гори. Переведен на многие языки.

Давит Шемокмедели, 8.04.1953. Поэт, прозаик. Президент Всегрузинского Общества Руставели. Лауреат премий им. Галактиона Табидзе, Нико Лордкипанидзе, Иванэ Мачабели, Джемала Аджиашвили. Автор девяти поэтических сборников и сборника прозы.